

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Г. БАБАКОВ

ТИГР НАСТУПАЕТ

**БИБЛИОТЕКА
и ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

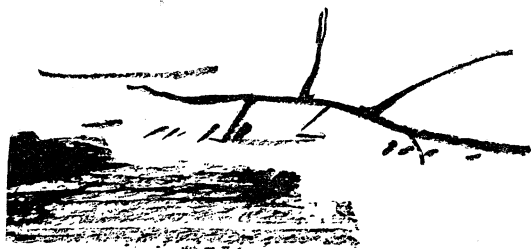
Выпуск 23

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО — 1965

Г. БАБАКОВ

ТИГР НАСТУПАЕТ

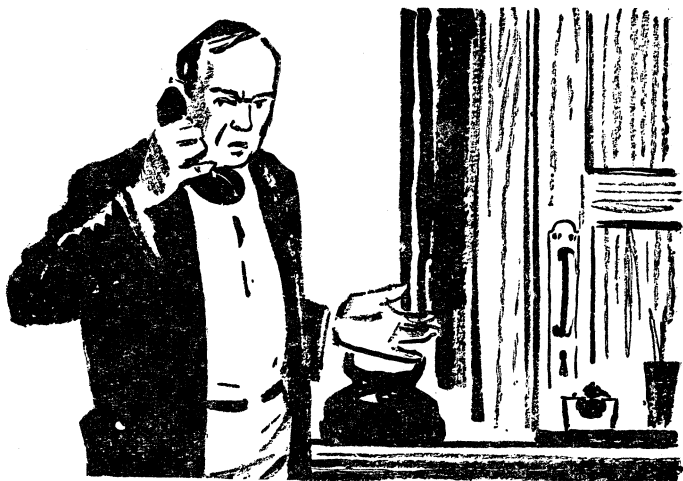
Сказочно богата природа Урала. Рыба в реках, дикие звери в лесах, да и сами леса с их тенистой прохладой и перезвоном птичьих голосов — все это богатства общенародные.

Герои повести Григория Бабакова — ребята из маленького уральского городка. Они горячо любят родной край и хотят, чтобы он был еще прекраснее. Они борются со всеми, кто по недомыслию или злему умыслу становится врагом природы, борются активно, своими ребячьими методами.

Автор повести Григорий Алексеевич Бабаков родился в 1932 году в г. Невеле. В 1955 году он закончил Московский пушномеховой институт по специальности охотоведение и приехал работать на Урал. Беспокойная профессия биолога-охотоведа ведет его в самые глухие уголки уральской тайги, в тундры Приполярного Урала, в тростниковые займища озер Зауралья.

О приключениях и встречах на этих маршрутах он пишет в своих произведениях. В 1962 году в Свердловске вышла его первая книжка «В краю кедров и соболей» о путешествии в таежный Пельмский край, а в 1963 году там же — сборник рассказов «Лиловые перышки».

Художник В. Н. Аверкиев

□ КОБЕЛЬ И КИБЕРНЕТИКА

Некоторые считают понедельник тяжелым днем. Это, конечно, враки, досужий вымысел. Но именно в понедельник, 18 июня, заведующему райторгом Ивану Лукичу Дремову было тяжело. Поскрипывая хромовыми сапожками, он сердито прохаживался по кабинету. Всегда румяное, гладко выбритое лицо его выглядело на этот раз серым и помятым.

Потерялся у Ивана Лукича Рогдай — гончая собака, костромич высоких кровей.

Иван Лукич, в сотый раз измерив торопливыми шагами ковровую дорожку, подбежал к письменному столу и схватил телефонную трубку.

— Ильиных попрошу, барышня! — прокричал он. — Да, да, милицию!.. Петр Савельевич?! Здравствуй, брат!

Иван Лукич приветствует! Беда у меня... Нет, магазин не обкрадывали. Хуже! Рогдай исчез!.. С гона, с гона, говорю, увели!.. Кто со мной был? Компания старая. Да брось шутить! Ну, конечно! Говорю, старая компания, значит, соответственно... Как? Всего круга два зайца прогнал, мне даже стрельнуть не пришлось. Потом скололся и — с концом. Выручай, браток!

В это время вошла секретарша и положила перед ним письмо.

Иван Лукич свирепо взглянул на нее и стал вертеть в руках маленький зеленый конвертик. Адрес был выведен ровным почерком. Слово «лично» взято в аккуратные скобки. Когда-то Иван Лукич, молодой и беспечный слушатель курсов совторговли, регулярно получал письма в таких же зеленых конвертиках. Они тоже были со словом «лично» и без обратного адреса. Листки в клеточку пахли одеколоном «Сирень».

Понюхав конверт, Иван Лукич резко вскрыл его. В глаза бросились стихи:

Иван Лукич, Иван Лукич!
По Вам скучает костромич.
В амбаре темном Ваш Рогдай
Скулит: «Хозяин, выручай!»

За стихами шла проза: «Немедленно выезжайте за собакой. Она заперта в новом амбаре колхоза «Маяк». Захватите с собою «Правила охоты...»

Дальше Дремов читать не стал, вновь потянулся к телефону.

— Петр Савельевич! Это я, Дремов! Слышишь, кобеля-то подбросили. В «Маяке» он! Письмом известили... Подпись?.. Сейчас! Слушай, тут, брат, какая-то чертовщина! «Тигр» подписано! Откуда я знаю, почему «тигр». Это уж по твоей части. Ладно, завезу, когда вернусь.

Через минуту юркий «москвич», на кузове которого

красовалась надпись «Галантерейные товары», словно игла, прошивал улицы городка. Он проехал кварталы новых двухэтажных каменных домов, затем — мимо палисадников старых деревянных строений. Под колесами грохнул мосток в три бревна. Промелькнула неоштукатуренная кирпичная баня.

— От стыда баня-то покраснела, — сказал шофер. — Директор мостком отделался: мыльная вода по канавке через весь город течет. Прямо в пруд шпарит.

— Цемента нет, известь не завезли — вот баня и красная, — отозвался сердито Иван Лукич. — Критики...

Вскоре с обеих сторон дороги потянулись поля, покосины, зеленые перелески. Взгляд Ивана Лукича потеплел. Он почему-то совсем не думал сейчас о собаке. Нахлынули приятные воспоминания.

Сколько раз босоногий Иван Лукич, тогда еще просто Ванюшка, блуждал по этим перелескам с корзиной в поисках земляники и ядреных красноголовиков. Эти березки и осинки видели Ванюшку — школьника с отцовской берданкой в руках, Ивана — молодого продавца и, наконец, Ивана Лукича Дремова — главу районной торговли со штучным зауэром за спиной и с породистой гончей на сворке.

Дорога шла по крутику вдоль берега реки. Древняя-древняя дорога. Иван Лукич помнил еще ту пору, когда по ее обочинам высились громадные березы. Где они сейчас? Пеньки, одни лишь черные пеньки. «На дрова, что ли, стравили? — с раздражением подумал он. — Какая красота погибла!»

На берегу реки, вдоль опушки леса, на несколько километров протянулось Семенково. Добротные дома с резными украшениями на окнах и карнизах. Глухие, крытые дворы.

Возле правления остановились. Иван Лукич недовольно поморщился: ему очень не хотелось встречаться

с председателем Лаптевым. «Ядовитый мужик. Про собаку разнохает — на смех подымет».

К счастью, Лаптева в правлении не оказалось.

— С бригадиром парники осматривать укатил, — посолдатски отрапортовал парнишка-счетовод. — А вы, Иван Лукич, по какому делу?

— На новый амбар полюбоваться хочу. Весь район о нем говорит. Последнее слово строительной техники.

Парнишка хитро улыбнулся:

— Взглянуть, конечно, можно. Пока амбар пустой стоит, урожая дожидается.

— Поехали!..

— Не могу! — счетовод развел руками. — Что не могу, то не могу! В одиннадцать тридцать сводки от бригад принимать должен. — Он многозначительно кивнул в сторону портативной рации в углу. — У нас, Иван Лукич, полная радио-фи-кация!..

— Работать надо, а не сводки собирать! «Радиофикация»! Слово-то едва научился выговаривать! — сердито пробурчал Иван Лукич и поехал дальше.

Бревенчатый амбар стоял на краю оврага, у леса. Неподалеку высился колхозный ток, тоже новый. Иван Лукич бегло взглянул на постройки и подумал: «Строители! Вот сползет вся эта архитектура в овраг — отвечать кто будет?»

Настроение у него почему-то все портилось и портилось. Возле амбара было безлюдно. Тишину нарушало лишь однообразное стрекотание кузнечиков среди свежей, не успевшей побуреть строительной щепы. Да еще маленький серебристый динамик под навесом время от времени похрипывал, и тогда по окрестностям разносилось: «Вторая... вторая... вторая... Синюхин!.. Гошка, сводку давай! Прием!»

Осмотревшись на всякий случай, Иван Лукич осторожно подошел к амбару и толкнул плечом тесовые во-

рота. Не тут-то было! Сколоченные на совесть, тяжелые, они не поддавались.

— Рогдай, Рогдаюшка! — жалобно позвал Иван Лукич. Из глубины донесся собачий визг. — Ко мне, Рогдай! Гончак в амбаре залился неистовым лаем.

Иван Лукич заметался. Он готов был взломать ворота амбара, которые открывались неизвестно как.

В это время динамик отчаянно заскрежетал. Раздался короткий звериный рык, и глухой, простуженный голос произнес:

— Говорит Тигр, говорит Тигр... Потерпевший товарищ Дремов! Внимательно прочитайте полученное письмо.

Иван Лукич оглянулся. Вокруг — никого. Опять этот тигр?! Он выхватил из кармана злополучное письмо и развернул.

Как это он раньше не прочитал его до конца?

«Ворота оборудованы кибернетическим устройством. Для того чтобы они открылись, нужно громко и внятно произнести в замочную скважину фамилию, имя, отчество и вашу должность. После того, не запинаясь и не останавливаясь, прочитать параграф пятый, пункт двадцатый действующих «Правил охоты».

Иван Лукич с ожесточением сплюнул и выругался:

— Чертовщина какая-то!.. Кибернетика!.. Правила!!

Он припал к замочной скважине и вкрадчиво произнес:

— Я — Иван Лукич Дремов, начальник райторга!..

Рогдай в амбаре радостно завизжал ему в ответ.

— Я — начальник райторга, Дремов, — с надеждой повторил Иван Лукич и что было силы налег на ворота. Но тщетно.

— Рогдаюшка!..

Пес надсадно завыл, разрывая любящее хозяйское сердце...

Назавтра весь район смеялся до слез. Похожая на анекдот история передавалась из уст в уста.

Кто бы мог подумать, что сам Иван Лукич Дремов сотворит такое!

В обеденное время по районной радиосети передавали концерт. Внезапно голосок румынской певицы Сорины Дан оборвался. Задорную французскую песенку заменил прозаический хриплый бас. «Внимание! — объявил он. — Включаем наш микрофон, вмонтированный в замочную скважину нового колхозного амбара в селе Семеново. Прослушайте рассказ «Откровение браконьера». У микрофона сам автор и главный герой».

И вслед за этим послышалась пламенная декламация Ивана Лукича. Он, как священную заповедь, четко и вдохновенно произносил пятый параграф «Правил охоты», в котором говорилось, что нагонка собак разрешается только в специальных местах и без ружья.

После страстного монолога заведующий райторгом радостно воскликнул: «Рогдаюшка, милый». Раздалось веселое урчание пса. Некоторые утверждали, что слышались даже поцелуи.

□ ЧУДЕСА В РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ

Светлая ночь. Три часа. В доме Лаптевых резко задребезжал будильник. Наташа проворно вскочила с кровати, придавила кнопку голосистого звонка и прислушалась — тишина. Не зажигая света, она стала торопливо одеваться. Натянула спортив-

ные брюки, куртку, подошла к столу, чтобы взять киноаппарат.

В это время в коридоре послышалось шарканье домашних туфель. «Мама! Опять проснулась... Вот ведь!..» Наташа притаилась. «Только бы не вошла!» Чуть скрипнула дверь. Ярко вспыхнула трехрогая люстра. Слепящий свет ударил в глаза. На пороге комнаты стояла мать.

— Сегодня тебе тоже надо фотографировать предрасветный туман на озере? — спросила Варвара Тихоновна сурово, а сама украдкой полюбовалась дочерью. — На кого ты похожа?

Наташа покосилась в зеркало. Все в полном порядке: тугая золотистая коса лежит на голове ровным кольцом. Синяя спортивная куртка выглажена. Брюки тоже.

— Мамочка! — В голубых глазах Наташи и в ее голосе, тихом-тихом, как шепот, покорность и мольба. — Если бы ты знала...

— Я хочу знать, когда кончатся твои ночные скитания?

— Ну не сердись! Не сердись же... Я потом тебе все расскажу. Хорошо? — Наташа подошла к матери, обняла ее и прикоснулась губами к теплой щеке. — Волноваться и беспокоиться не надо. Это, мамочка, очень и очень важное дело.

За окном скрипнула калитка палисадника. Наташа сделала вид, что не слышала этого звука, но мать настояжилась. Высвободившись из объятий дочери, она погасила люстру, подошла к окну и отдернула занавеску. В комнату кто-то заглядывал. Встретившись взглядом с Варварой Тихоновной, лицо за окном исчезло.

— Кто это тебя дожидается? — спросила Варвара Тихоновна у Наташи.

Но дочери в комнате уже не было. Варвара Тихоновна устремилась в погоню и на крыльце столкнулась с мужем.

— Федор? — удивилась она. — Приехал?

— Как видишь! — устало улыбнулся Федор Петрович, стягивая с широких плеч пропыленный брезентовый дождевик. — Натаха-то спит?

— Да вот только перед тобой сбежала, — смущенно развела руками Варвара Тихоновна. — И не одна, а с парнем каким-то. Все дела!..

— О, сейчас у них дел по горло. Из-за этих дел я до полночи с машиной в лесу пробуксовал.

— Знаю я, какие дела бывают, коль парни среди ночи в окошко заглядывают.

— Так это не к ней, а ко мне, наверное! — рассмеялся Федор Петрович. — Ну, конечно, ко мне! Я сейчас. — Он вернулся на крыльцо и громко позвал:

— Сергей!.. Сергей, заходи!

— Здравствуйте, Федор Петрович! — донеслось из-за темнеющих у забора кустов. — Скажите, можно приступить?

— Можно, можно! Машина возле бани. Там нашего счетовода Лешку встретишь. Он вам поможет. Только когда сгружать будете, смотрите, осторожней — ветви не пообломайте.

— Спасибо!.. Вот спасибо!.. — И парень исчез.

А через полчаса неподалеку, на Нагорной улице, раздалось мотоциклетное стрекотание пускача. Потом взревел мотор бульдозера. До самого утра работал бульдозер, подходили груженные машины, слышался звон лопат и приглушенный девичий смех.

Когда улица проснулась, удивлению ее жителей не было границ. Еще вчера вдоль нее в глубокой канаве к пруду текла грязная вода из новой городской бани. Полгода санинспекция воевала из-за этой канавы с директором бани Синегубовым. И вдруг канавы исчезла, исчезла

за одну ночь, будто никогда ее здесь и не было. На месте канавы выросла аллея стройных молодых лип. В обрамлении их зеленой листвы и сама улица и даже приземистые деревянные дома вдоль нее выглядели обновленными, помолодевшими.

Люди выходили из домов и останавливались пораженные.

— Кто это летом деревья сажает? — удивилась полнотелая женщина в ярко-синем халате, высунувшись из окна. — Появнут же!

— Не появнут! — весело ответила ей с улицы другая, с полными ведрами на коромысле. — Бери-ко ведро да айда поливать, сами выходим липки! Видишь, улица-то краше стала!

На срезе кювета, под сенью самого пышного дерева, из обломков битого кирпича — красного и белого — была выложена фигура какого-то полосатого зверя.

— Смотрите, тигр? — говорили женщины. — Почему тигр?

— Вот это да-а-а... — восхищался мужчина в замасленной спецовке. — Это класс!.. Неужели наконец-то канализацию провели?!

— Не провели пока, но проведут обязательно, — ответил ему кто-то из толпы. — Посмотрите-ка, что у Синегубовых творится.

В огороде, примыкающем к просторному пятистенному дому с резными наличниками на окнах и антенной телевизора на коньке крыши, суежилась дородная жена директора городской бани. А сам Евстрат Потапыч Синегубов пытался преградить дорогу мыльной воде, которая новым руслом текла прямо меж огуречных грядок. Полосатая пижама Синегубова была в грязи, спина взмокла, на широкой лысине виднелись прилипшие комочки земли.

С трех сторон город обступали леса. Они разлеглись по синим увалам гор, темными кущами ельника теснились в логах и долинах, белесыми березовыми перелесками подбирались к полям и покосам.

И когда поднимался ветер, на город накатывались теплые волны пьянящих лесных ароматов. Лес манил к себе шумом ветвей, пением птиц, грибной прохладой.

Когда человек, свернув с торной тропинки, углубится в наш лес, на первых порах ему покажется, что забрел он в ужасную глушь. Час, другой пройдет он под пологом сомкнувшихся над его головой ветвей, утопая по щиколотку в мягких зеленых мхах, и на душе его станет тревожно: уж не заблудился ли, выберется ли назад на дорожку? Приглядится он повнимательней и поймет, что нет причин для тревоги. Увидит, что валежник собран и сложен в аккуратные кучи, что весь лес рассекают прямые чистые просеки и делят его на кварталы. На одной из полян обнаружит изгородь из жердей, за которой на заботливо разрыхленной почве ровными рядками подымаются молодые сосенки.

И ясно станет человеку, что только с непривычки лес показался ему диким, что где-то рядом есть люди, которые обходят и заботливо растят этот лес.

На поляне, у самой опушки древнего соснового бора, стоял кордон. Это был старый деревянный дом с замшевой тесовой крышей, надетой набекрень. На крыше громадными белыми буквами выведено: «Кв. 117» — опознавательный знак для пожарной авиации. Три темных

окна без занавесок да зеленые побеги лесной герани, проросшие сквозь высокое щелястое крыльцо и буйно расцветшие крупными ярко-синими цветами, придавали дому заброшенный, нежилой вид. Над крышей торчала высокая жердь с метелкой проводов. На зорях на вершину этой мачты усаживалась красноголовая птица и глубоким, бархатным голосом высвистывала: «че-че-вица, че-че-вица».

Вот и сейчас она сидела на своем излюбленном месте и, провожая солнце, не то спрашивала, не то утверждала: «че-че-вица?!»

Хозяин дома, лесообъездчик Егор Семенович Антонов, пожилой человек, со сбившейся на бок бородкой клинышком, в фуражке с зеленым околышем, сидел на лавочке перед домом. У ног его лежал остроухий пес Тропка. Пес зорко взглядывался в проселок, тонувший в голубоватом сумраке у подножий сосен, и время от времени яростно клацал зубами, отгоняя рыжих лесных комаров.

Много лет прожил Антонов на этом кордоне. Любил и дом свой, и свое лесное одиночество. Впрочем, он и не считал себя одиноким. Дом окружали его давнишние приятельницы сосны. Они росли на его глазах, и Антонов знал их так же хорошо, как и своего остроухого Тропку. Вон у той сосны в позапрошлом году выпал сучок. Старик хотел замазать дупло алебастром, чтоб не завелась в нем вредная гниль, но пока собрался, оказалось, что дупло уже занято. В нем свила себе гнездышко веселая птичка горихвостка. А вот эта сосна, возле самого дома, уже три года подряд хорошо плодоносит, и морозными зимними утрами на ней кормится белка, которая живет в теплом гайне в ельнике у речки. Поначалу Тропка злобно лаял каждый раз на пушистую гостью. Белка стрекотала в ответ и, мелькнув голубой зарницей в ветвях, уносилась в спасительный ельник. Но потом и соба-

ка и белка привыкли друг к другу. И Тропка уже не сердился, когда она приходила, а только взлаивал коротко, как бы приветствуя.

По дороге мимо дома ходит народ. Проходят лесорубы с длинными топорами за опояской, покосники — с косами и граблями, проходят бабы с перекинутыми через плечо на полотенце корзинами, наполненными белоснежными груздями. Народ все деловой и не шибко разговорчивый. А к Антонову, если он дома, минут на пять заглянут обязательно. Надо потолковать со знающим человеком о погоде, о вывозке дров, о травах и грибных местах, а иной раз и просто чуток передохнуть, испить водички да выкурить сигарку.

Антонов сидел и думал о своей жизни. Думал о прошлом без сожаления и обиды. Ему ли, прошедшему свой век среди лесов, у самых истоков жизни, не знать ее законов, законов вечных — что для дерева, что для человека. Одна мысль заботила старого объездчика: кто сменит его на лесном посту, кому передаст он дело рук своих — питомник, молодые посадки и этот древний Васькин бор, обступивший кордон? Кому?

Старик придавил каблуком окурок. Из-за гор медленно выползала широкая ночная туча. В глубине ее робко поблескивала ранняя звезда.

Вот разве внучонок. Серега? Сердцем тянется парень к лесу, да больно молод еще.

Пес у ног старика насторожил уши и тихонько уркнул — кто-то идет по дороге.

В длинной и тощей фигуре объездчик узнал приятеля своего внука Борьку Жуковского, который жил километрах в пяти, на лесоучастке. Борька шел не разбирая дороги и пошатываясь. Лево́й рукой он держался за щеку.

— Серега дома? — хрипло спросил Борис, подходя.

— Может, и дома, — ухмыльнулся объездчик в боро́ду. — У него что у зайчонка — где ночует, там и дом.

Может, у отца с матерью в городе остался, а то с Витькой опять волков слушать укатил. Наутре беспрерывно явится. Он тут мне малость помочь обещался. Ждать будешь?

— Угу, — промычал Борис.

— А у тебя, поди, зубы болят? — забеспокоился старик. — Идем-ка в избу. — Он поднялся с лавочки и в сопровождении Тропки заспешил к дому. Борис плелся сзади.

Ночь опустилась на лес. Звезды сияли, казалось, совсем рядом. В ельнике на покосе сонно посвистывал последний вечерний дрозд.

В доме Антонов зажег лампу и, обернувшись к своему гостю, всплеснул руками:

— Эва, милый, как тебя разделали!

Вид у Бориса, действительно, был ужасный: левый глаз совершенно заплыл, верхняя губа распухла, правую щеку повело в сторону.

— Кто ж тебя так-то?

— Не спрашивай, дядя Егор, — вяло махнул рукой Борис, присаживаясь на лавку. — Как жив остался — не знаю. Пчелы в одиннадцати местах долбанули, да еще с дерева, метров с пяти, до самой земли летел.

— Ай-ай, милоч! — сокрушенно качал головой старик. — Какой же леший тебя к бортям понес? Чай, знаешь, что с пчелами шутки плохи! — Он достал с божницы пучок какой-то сухой травы и стал готовить Борису примочки.

А Борис вспоминал свои сегодняшние злоключения.

Утром он получил записку от Сергея, что надо прийти на кордон. По дороге сюда заметил на вырубке какого-то подозрительного старикашку. Маленький, юркий, с реденькой бородкой. За плечами у старикашки деревянный ящик на широких лямках. «Не подсобник, не лесоруб, — рассуждал Борис. — Что ему здесь делать?»

Он тихонько крался следом за стариком. Сперва старик свернул в ельник. Там он шел, внимательно вглядываясь в тропинку под ногами, будто что-то вынюхивал. Наконец нашел то, что искал. Нагнулся и, раскопав руками холмик земли, достал оттуда проволочный капкан-кротовку. Капкан был пуст.

«Кротов ловит!» — догадался Борис, но не прекратил наблюдение. Теперь ему было интересно посмотреть, как настораживаются и устанавливаются капканчики и как в них попадают кроты. В следующую кротовку попал зверек. Старикашка мигом извлек его, вновь насторожил ловушку и, вынув маленький ножик, на ходу ободрал темную бархатистую шкурку со своей добычи.

Осмотрев до сотни капканчиков, незнакомец вновь свернул на вырубку. Он подошел к громадной сосне, сбросил с плеч ящик и вдруг с поразительным проворством начал карабкаться на дерево.

«Ну и ну! — удивился Борис. — А кого же он хочет на сосне поймать?»

Незнакомец и впрямь делал что-то подозрительное. Он добрался до щели в стволе, которая была прикрыта длинной железной пластиной, припал ухом к пластине и долго прислушивался к тому, что делается внутри.

«Что же там такое?» — не на шутку заинтересовался Борис.

Как только старикашка слез с дерева и пошел дальше, парень быстро подкрался к сосне. На ее стволе были сделаны глубокие зарубки в виде лесенки. Борис подождал немного, потом стал взбираться по этим ступенькам. Добравшись до пластины, обнаружил, что она крепко привинчена к дереву стальным болтом. Он схватился за пластину и сильно потряс ее. Внутри ствола раздался какой-то шум. Тогда Борис приник ухом к щели. И тут все понял, но было уже поздно. Рыжими фонтанчиками брызнули ему в лицо десятки пчел. Удар в

губу, под глаз, в щеку! Борис попытался отмахнуться от наседавшего роя, потерял равновесие и полетел вниз.

— Да, парень, — говорил объездчик, прикладывая к глазу Бориса примочку, — зря ты за этим стариком следил. Алим его зовут. Давние мы с ним приятели. Лес он любит и бережет. Да и как не беречь ему, коли сам только лесом живет. Зимой белок стреляет, куниц да лисиц ловит, а летом крота промышляет. Он за свою жизнь, почитай, миллионов на десять пушнины сдал. В Москву на выставку ездил, орденом награжден. А еще бортничеством промышляет, диких пчел разводит. Раньше по нашим местам многие этим делом занимались. Алиму от отца в наследство бортей пятнадцать досталось, да и сам он еще с десятков завел. Добрые борти у него. Все в крепких соснах да железом забраны, чтобы ни зверь, ни птица не потревожили. Живут у него пчелки да мед таскают. Липа цветет — липовый, а как кипрей на вырубках покраснеет, тут уж только качай мед, не ленись.

Дед поставил Борису последнюю примочку, и теперь лицо у парня стало похоже на капустный вилок. Виднелся из-под тряпиц лишь кончик носа да узенькая щелочка глаза.

— Да, — продолжал объездчик, наливая Борису молока из крынки, — повоевали мы тут из-за этих бортей. Как стали наши леса рубить, и бортям досталось. Рубят все сосны подряд без разбора. Голое место оставляют. Ни семенных, ни бортевых деревьев не жалеют. Мы с Алимом в лесничество, оттуда в лесхоз да в исполком. До самой области дошли, а все-таки своего добились.

Пчела, брат, хотя и дикая, а все одно — народное богатство. Пока на этом месте новый лес нарастет, а пчела каждый год медок приносить будет. Хоть маленькая, а польза. Этак и на нашу работу глянуть: вроде и маленькая и незаметная, но коли человек ее с любовью делает, то всем он людям пользу приносит. Вот так-то!

Тут я у Сереги одну книжку читал, про то, как люди через сто лет жить будут. Про наши места уральские. И описывается там дом весь из стекла. И стоит он в столетней дубовой роще. В дубовой!

Вот я и заподумывал: а откуда же та роща возьмется, через сто лет, коли мы ее нынче не посадим? Видал, брат, проблема!

Но парню сейчас было не до проблем. Жар потихоньку спадал, боль утихала. Борис забрался на широкие полаты над входом в горницу и, едва коснувшись головой подушки, уснул крепчайшим сном.

— Алим-то сейчас круглые сутки в лесу, — продолжал старик, не подозревая, что гость уже спит, — крот пошел и пчелы роятся. Когда новая матка в семье родится, начинается она голос подавать — «тюкает» потихонечку. Вот Алим и выслушивает, не родилась ли матка, не собирается ли семья разделиться. Ты заметил, как он это делает?

Но с полатей слышалось лишь легкое посапывание.

□ или — или...

В доме объездчика Антонова непривычное оживление. Его внук Сергей, рослый черноглазый парень, сидя у стола, заряжал патроны. Смуглое, чуть грубоватое лицо его казалось угрюмым. И все из-за бровей. Широкие, темные, они круто изогнувшись, сходились на переносье. Когда Сергей улыбался, угрюмость исчезала: брови приподымались, придавая лицу приветливое, веселое выражение.

На просторной лавке, у окна, сидели друзья Сергея: Наташа Лаптева и Виктор Семин. За окном толпились сосны, тесно обступившие лесной кордон. Витя Семин любовался узкой, извивающейся среди корневищ тропинкой, о которой он давно собирался написать стихи.

— И все-таки, — говорила Наташа запальчиво, — будет фильм о природе. Каждый кадр — картина!

— Для Третьяковской галереи? — посмеивался Сергей. Он точными движениями отмерял заряды картечи, привычно досылая пыжи.

— Ты только представь себе, сколько замечательных кадров отснять можно... Хотя бы рассвет на Манинском озере, когда туман медленно отрывается от воды. А на воде бутоны, зелено-бронзовые кувшинки! Выходит солнце, и они раскрывают свои лепестки...

— Витька, встань! — неожиданно крикнул Сергей. — Встань, тебе говорят!

Виктор, не уловив шутки, поднялся со скамьи:

— В чем дело?!

— Еще и спрашиваешь! Замри и внимай! Поэт, ты присутствуешь при рождении гениального сценария. Нужен текст в стихах.

— И не стыдно, Сергей! — в голосе Наташи чувствовалась обида. — Разве так об этом говорить надо?

— Да, так! Только так! — В глазах Сергея вспыхнул зеленоватый светлячок. — На кой леший нужен фильм о красотах природы, если от всех красот лет через десяток, может быть, останется только твой домотканый фильм? Фильм должен быть боевым оружием. Согласна такой фильм делать или нет?

Виктор, человек молчаливый и сосредоточенный, снова уселся у окна, подумав: «Не слишком ли круто берет Сергей? Весь учебный год готовились к съемкам, давным-давно трудимся над ним, и сколько кадров уже отснято!..»

Наташа молчала.

— И потом я не понимаю, — уже без шутки сказал Сергей, — чего вы уперлись? Старый сценарий ломать не хотите? Плюньте на него, дрянь ваш сценарий! В вашем сценарии голые красоты природы и совсем нет людей. Я вам предлагаю живых героев, их не надо выдумывать, они есть. Они живут и действуют. Я вам фильм предлагаю делать, настоящий фильм, а не детские игрушки. Понятно?

Наташа слушала Сергея и улыбалась: до чего горяч, начни с ним спорить, сейчас и поссоришься. А ссориться с Сергеем ей вовсе не хотелось. Она помнила, с каким трудом ей удалось уговорить мальчишек, чтобы и ее взяли в компанию, и ей доверяли важные поручения. Тогда Сергей не хотел и разговаривать с Наташей. Он даже Витьку обозвал трепачом за то, что тот признался ей, по старой дружбе, какие дела замышляют ребята.

— Понятно-то понятно! — задумчиво сказал Виктор. — Но ведь сложно все это, да и пленки маловато.

— Сложно! — нахмурил брови Сергей. — А ты ду- мал, фильм делать просто — тяп-ляп и готово? То, что я предлагаю, очень сложно и пока что не совсем безопасно. Можете отказаться, еще не поздно, а насчет пленки моя забота.

— Моя забота! — не выдержала и вмешалась Наташа. — Тоже командир нашелся. Отказываться никто не собирается. Просто снимать всяких хапуг и браконьеров не очень-то приятно.

— А кто тебе сказал, что будет приятно? Вон и Витька все приятности ищет: декадентские стишки пописывает. А серьезные дела побоку!

— Как побоку? И совсем не декадентские! — возмутился Виктор. Но Сергей продолжал свое, поглядывая на Наташу и посмеиваясь:

— Нынче ночью мы с ним ходили на «подслух»: вол-

ков слушать. Пока у костра сидели, сова поблизости во-пила, — Сергей кивнул на чучело в углу: — Неясыть. Светать стало, разошлись мы по участкам: перед утром волки к логову возвращаются. В девять прихожу обратно к костру — нет Витьки. Ты думаешь, он волков выслеживал? Он стихи про сову писал!

— Да я на них всего минут десять потратил, — оправдывался Виктор. — И никакое это не декадентство. Вот, посмотри, Наташа.

Наташа взяла протянутый ей раскрытый блокнот.

Ночью весенней в безлунную пору
Плачет неясыть, блуждая по бору,
Ищет кого-то и манит во тьму.
Только кого — я никак не пойму...
Видно, у совушки этой порою
Горюшко-горе случилось большое...

— Неплохие стихи, — сказала Наташа. — И чего тебе, Сережка, надо? Придираешься.

— Как же! Гражданская лирика! Для совы... А текст клятвы где!

— Клятва? — уныло протянул Виктор. — Видишь ли...

— Не вижу! Клятвы все еще нет. — Сергей со злостью смел со стола в ящик заряженные патроны, взглянул на ходики и заторопился: — Ладно, потом наш спор закончим. Дед меня ждет. Наташка, заряжай кассеты, собирайся...

Борис уже давно проснулся на полатах, но лежал не шевелясь и прислушивался к разговору своих друзей. Он был вообще против участия Наташи в их делах. Еще неделю назад сказал Сергею, что не для того остался на лето дома, чтобы возиться со всякими сопливыми девчонками и доказывать им, что такое хорошо и что такое плохо.

Борис и в школе не дружил ни с кем из девчонок, даже почти не разговаривал с ними. Девчонки отвечали ему тем же. Он был абсолютно рыжий. И брови, и рес-

ницы, и волосы на голове у него отливали бронзой. Даже веснушки на носу были бронзовые. «Рыжий, красный — человек опасный!» — кричали девчонки из младших классов, когда Борис, высокий и нескладный, проходил мимо них.

А Борьке было совершенно безразлично. Он гонял в футбол, увлекался приключенческими романами и умел постоять за себя в мальчишеской потасовке.

Но вот сейчас он лежал на полотах и боялся пошевелиться. За ночь боль прошла, но опухоль, казалось ему, расплылась еще шире по лицу. «И так физиономия красотой не блещет, а тут еще эти пчелы!» — думал он со злостью.

Наташа поспешно спустилась по шаткой лесенке в пахнущий плесенью погреб и притворила за собой крышку. Сергей принес из сеней пяток вареных яиц, кусок мяса, пучок зеленого луку и положил все это перед Виктором:

— Ты приготовь деду окрошку. Ладно? Квас в сенях. И над клятвой подумай. Такие слова найди, чтобы за сердце брали!

□ СМОРЧКИ

«И если я нарушу эту клятву, — писал Виктор, — то пусть...» Он задумался: «Что пусть? Нет, что и говорить, стихи писать легче. Задал же Сергей работу»...

В окошко постучали. У порога стояли двое ребятишек с корзиной, наполненной матово-коричневыми морщинистыми грибами.

— Дяденька, дай, пожалуйста, попить...

— А вы сильно пить хотите? — баском спросил Витька, которого впервые в жизни называли дяденькой.

— Очень хотим! — сказала девочка. Она была постарше братишки и побойчее. Мальчишка с любопытством смотрел на строгого «дяденьку», почесывая друг о друга босые, покрытые синяками и ссадинами ноги.

— Сейчас принесу! — Витька скрылся в доме и через минуту появился с громадным железным ковшом студеной колодезной воды. Девочка взяла ковш и передала братишке. Тот припал к нему губами. Витька смотрел на фигурку мальчугана и вспоминал себя таким же босоногим грибником. Не эти ли грибы прирастили его к путешествиям по тенистым лесным полянам и солнечным перелескам...

— А это что такое? — Взгляд Витьки остановился на грибах в корзинке.

— Сморчки! — уверенно ответила девочка.

— Сам вижу, что сморчки. Я про это спрашиваю, — Витька тронул рукой белые остро пахнущие лесной подстилкой нити у корня одного гриба.

— Это грибница, — сказала девочка.

— Так, так! — Витька тянул время, что-то придумывая.

Вдруг он сделал страшное лицо. Настолько страшное, насколько это возможно при наличии курносого носа и голубых смеющихся глаз.

— А вы знаете, кто я такой?

— Лесник! — неуверенно прошептала девочка.

— Ха-ха, лесник! Не лесник я вовсе, я леший, лесной колдун. Сказки про леших читали?

Девочка молчала, а ее братишка, на секунду оторвав губы от ковша, серьезно заметил:

— Все там наврато. Никаких леших не бывает! — Довольный своими словами, он отхлебнул еще глоток воды и продолжал: — Если ты леший, то где у тебя борода?

Но Витька не растерялся:

— Борода бывает у злых леших, а я добрый. И ты, малец, со мной не спорь, а то рассержусь и превращу тебя в гриб-сморчок. Запрячу под самый колючий куст, и пусть тебя там черви едят. Слушайте, что я вам скажу: вот на этих белых ниточках — грибнице гриб вырастает, как яблоко на яблоне. Разве можно яблоню рубить, чтобы яблоко сорвать? Так и с грибами. Сегодня вы сморчки вместе с грибницей сорвали, и завтра там уже грибы расти не будут. Вот ты, пацан, большим вырастешь — вздумаешь в лес по грибы сходить, а грибов-то и не найдешь, потому что сейчас всю грибницу повыврешь. Вам понятно, о чем речь? — Витька строго глянул на слушателей.

— Понятно! — уныло проговорили оба.

— Настоящий грибник гриб аккуратно берет, под корень ножичком его подрезает.

— Хорошо им, настоящим-то! — сказал мальчуган. — У них ножики есть, а у меня нету.

— Нету, говоришь? — Витька задумался. Потом порылся в кармане брюк. На его ладони заблестел маленький перочинный ножичек с костяной ручкой.

— Поклянись, что больше не будешь грибницу рвать и своим товарищам не позволишь!

Мальчишка посерьезнел, весь подтянулся и передал ковш сестренке.

— Честное слово, дяденька, не буду, провалиться мне на этом месте...

— Хватит! — Витька рассмеялся. — Крепкая клятва, верю. Держи. — Он протянул мальчишке нож. — А теперь марш отсюда, мне работать надо.

Мальчишка шел по дороге и любовался подаренным ножичком. Кто знает, может быть, он и поверил, что бывают на свете добрые лешие, которые дарят незнако-

мым ребятам дорогие ножики с костяной ручкой и двумя блестящими лезвиями.

Виктор вошел в дом и отшатнулся пораженный: перед ним сидел Борис... Нет, не Борис! Вроде такой же длинный и рыжий парень, но с жутко обезображенным лицом.

— Ну, кто из нас леший? — спросил парень, едва шевеля распухшими губами и хохотнул. — Небось, узнать не можешь.

— Борька, ты?!

— К сожалению, я. Красив?

— Как индийский бог Шива!

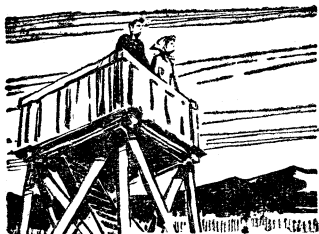
— Ну вот и отлично. Вчера меня лесные пчелы искусили.

— Так это не страшно. Пройдет. Я читал, пчелиным ядом разные болезни лечат. Пчел еще крылатыми терапевтами называют...

— Хватит! — отрезал Борис. — Тебя от болтливости никакие терапевты не вылечат. Штаб называется! Сидят здесь, с Натальей дебаты разводят, стишки почитывают. А у меня дело стоит. Прошлую ночь бригада опять неводила на Синеглазке. Невод у них — ни одна малявка не проскочит. Всю молодежь на берег волокут. Кабы не пчелы эти, так мы бы сегодня же ночью у них весь невод в клочья порезали!

— Так нельзя! — Виктор растерянно заморгал. — Сперва нужно другие меры принять, попробовать убедить людей.

— Ха-ха, убедишь их. Вы тут вдвоем одну девчонку не можете убедить, а мы бородатых браконьеров должны суметь. Так не пойдет. — Борис поглядел на яйца и лук, лежащие на краю стола, и почувствовал, что страшно проголодался. — Ладно, пиши свою клятву, а я тем временем окрошку готовить начну. Придет Сергей, разберемся.

Деревянная вышка, похожая на нефтяную, возвышалась над лесом. Сергей, часто подменявший деда на сторожевом посту, до мельчайших подробностей изучил все, что было видно с нее. А Наташа любовалась видом с вышки впервые. Восхищенная, она даже забыла про свой киноаппарат, который не выпускала из рук, надеясь снять два-три «потрясающих» кадра.

Внизу, под ногами, от горизонта до горизонта расплескалось зеленое хвойное море. По нему пробегала легкая рябь, как по воде. Совсем рядом, почти вровень с площадкой, парил канюк. Наташа следила за плавным полетом птицы. Круг, еще круг... Наташе казалось, что и она летит над крутыми сосновыми гривами, над ельниками и пихтами, над полянами.

А дальше виднелся родной городок, у подножия лесистой горы с голой вершиной голубым крутым изгибом сверкала река. словно перстень! Да, да. Самый настоящий гигантский перстень. Река — почти кольцо, а плотина, завод и город — это драгоценный камень. Лучи солнца переливались радугой в застекленных крышах заводских цехов.

И город, и завод, и даже леса отсюда, с высоты птичьего полета, казались Наташе игрушечными. Там, внизу, лежал мир детства, мир маленький, но удивительно емкий, насыщенный радостью.

Легкое полуденное облачко набежало на солнце и погасило радугу на крышах завода, погасило всего на мгновение. А Наташа уже смотрела туда, где сквозь

струи дрожащего над лесами марева угадывались крутые изломы гор и, сужаясь, терялась в лесах голубая лента реки. Эта пестрая даль с вереницами уплывающих куда-то облаков и почти неощутимое покачивание вышки вызвали неизъяснимое радостное волнение.

Наташа крепко держалась за деревянные перильца — с непривычки кружилась голова.

А Сергей, прищурившись от солнца, внимательно следил за горизонтом: не появится ли где подозрительный дымок. Все, что он видел отсюда, было ему знакомо. Вот кружит канюк. Натка и не догадывается, что птица не развлекается, а с поразительным упорством выглядывает мышей на старой вырубке. На том берегу реки, в сосняке, у канюка гнездо. В гнезде два пепельно-серых пуховых птенца. Их осаждают полчища комаров, а птенцы еще настолько малы, что и защититься-то сами не могут.

За ельником высоко торчит голая вершина Плешивой горы. Дед рассказывает, что раньше гора звалась Мохнатой. Лес на ней начисто вырубили, и теперь там леса больше не будет — ветры и воды разрушили плодородный слой, унесли почву...

— Сережа! Смотри! Замечательный кадр. Река — перстень. Город — бриллиант, ограненный и отшлифованный человеком! Посмотри! Ты видишь?

Но Сергей кисло усмехнулся:

— Я вижу заводской дым. Вижу бурый от ржавчины пруд.

— Сухарь бесчувственный!... Ничего ты не видишь!

— Нет, Натка, сухарем я не был и не буду! — возразил Сергей. — Скажи, сколько дней ты носишь белое платье после стирки? День? Я белую рубашку больше одного дня не ношу. А ведь копоть садится не только на одежду. Ты стараешься видеть лишь красоту природы. А я — и то, что может ее погубить.

— Опять? — Наташа безнадежно махнула рукой. — Сейчас ты произнесешь обличительную речь о браконьерах. Эта навязчивая идея не дает тебе покоя.

— А я и другим покоя не дам, — запальчиво ответил он.

— Ну-ка, держи кассеты. Будем снимать.

Мерно застрекотал Наташин киноаппарат.

— Эг-гей! — донеслось с земли. У подножья вышки стоял дед Сергея. Сергей с ловкостью юнги спустился вниз по вертикальной лестнице, коротко доложив, что за время дежурства ничего не произошло, добавил:

— Сегодня, как уговаривались, к тебе придет несколько человек. За старшего Борька Жуковский. Требуй с него построже! А мы с Витькой опять на подслух пойдем.

Дед поправил свою форменную фуражку с зеленым околышем и эмблемой из дубовых листьев и одобрительно кашлянул в усы:

— Хорошо. Только бы взялись с охотой...

— Задание! — Брови Сергея сдвинулись к переносью. Он приготовился объяснить, почему ребята будут выполнять его поручение честно.

— Ладно, ладно, начальство! Знаю, сейчас теорию подведешь... Бегите-ка лучше на кордон. Виктор там окрошку сготовил. А потом загляни на лесосеку: что там и как. Вы бы и ее немножечко поснимали, — сказал дед, обращаясь к Наташе.

— Есть, — по-военному ответила она.

Расставшись с дедом, Сергей и Наташа по каменистой тропинке спустились к дороге. Деревья и трава по ее обочинам порыжели от пыли. Мимо, лихо взлетая на выбоинах, промчался пустой лесовоз. Сергей по пути начал охоту за цветами. Увидев какой-нибудь очень яркий, пробирался к нему напрямик через кусты и ямы. Скоро набрался порядочный букет.

— Знаешь, что это? — он выдернул из букета веточку с темно-вишневыми соцветиями.

— Тысячелистник. Кровоостанавливающее средство.

— Правильно.

— А это белена, — не дожидаясь вопроса, показала Наташа на пышный кустик с белыми цветами, похожими на фарфоровые абажурчики. — Ее ты и объелся, когда накинудся на меня за кинофильм! И вообще!.. Думала, букет подаришь, а ты аптеку преподнес.

В это время им навстречу показались двое парней с рюкзаками, в куртках со множеством карманов и «молний». Парням было лет по девятнадцать. Один широкоплечий, ростом чуть пониже Сергея, с коротким ежиком светлых волос и большими серыми глазами под сенью выгоревших бровей. Другой был высок, смугл и черноволос. Черты лица крупные. В пухлых губах зажата сигарета.

— Салют дочери тайги! — воскликнул пухлогубый, поравнявшись с Наташей. Сергея он просто не желал замечать. — Скажите, до города еще далеко топать?

— Рядом, за лесом. Километров пять, — ответила Наташа.

— Рядом?! — пухлогубый парень толкнул в бок приятеля и нахально причмокнул, ухмыляясь Наташе. — А в этом городе все девушки такие, как вы?

Наташа весело перешла в контратаку:

— Да. Конечно. И все сидят под окошками — вас ждут. Спешите, а то не дождутся.

Парень скис, щелчком запустил окурок в пожелтевшую от зноя траву, и оба двинулись дальше.

— Эй, туристы, окурки тушить надо, вернитесь! — крикнула Наташа.

Парни остановились.

— Погасите! — Наташа ткнула носком ботинка в траву, откуда подымалась тонкая голубоватая струйка дыма.

— Окурок? — пухлогубый отвернулся от дымка. — Где? Я почему-то не вижу.

Тогда Сергей поднял дымящую сигарету и вплотную подошел к нему:

— Не видишь? Спалить лес хочешь?

Он встал грудь в грудь с парнем. Но тот не заробел и кивнул своему напарнику:

— Аполлон! Барометр падает. Проверь давление!

Белобрысый Аполлон грозно стал снимать рюкзак.

— Слушайте, гипертоники, — процедил сквозь зубы Сергей. — Зарубите себе на носу первую заповедь: не оставляйте в лесу костров, не бросайте окурков! Ясно?

Он демонстративно повернулся к туристам спиной и зашагал, насвистывая веселую песенку.

— Сережа, я ведь видела, видела... Зачем ты это сделал? — тихо спросила Наташа.

— Такие барчуки слов не понимают! Подумаешь, в провинцию приехали! Куряки.

Туристы удалялись. За спиной одного из них показался дымок. Робкая струйка росла на глазах. Парни почувствовали запах тлеющей ткани, начали тревожно принимать, оглядываться, ощупывать себя. Пухлогубый тоненько взвизгнул, подпрыгнул, с яростью сбросил на землю рюкзак и начал стягивать через голову тлеющую куртку. Через минуту туристы дружно топтали ее ногами.

— Ну вот, — сказал Сергей. — Теперь они надолго запомнят, что от окурка пожар бывает. Пошли. — Он взял Наташу за руку, и они, перескочив через кювет, скрылись в густом еловом подлеске.

— А ведь ты, Натка, роскошный кадр проворонила!

— Вот если бы они вернулись, — отозвалась Наташа, пробираясь вслед за Сергеем по склону ручья, — был бы тебе кадр. Видел, какие у этого Аполлона кулачищи?

— Кулачищи я у него не разглядел, а вот как он гла-

за на тебя пялил, заметил. Производишь впечатление даже на туристов. Придется это учесть... И вот что, — добавил он уже серьезно, — твое дело снимать, а как от кулаков увернуться — позволь уж мне думать.

Они стояли над ручьем, который бурлил и пенился в глубоком ложе, перепруженный во многих местах валежником и камнями. По вязкому илу возле самого уреза воды протянулась ровная строчка каких-то маленьких следочков. Наташа подумала, что Сергей-то наверняка знает, какой зверек здесь ходил, где он живет и чем питается. Да и есть ли в этом лесу что-либо такое, чего бы не знал Сергей? И если Сергей убежден, что нужен фильм об охране природы, об охране этого самого леса, то она будет снимать такой фильм.

□ ДРЕМОВ НЕРВНИЧАЕТ

— Евстрату Потаповичу — пламенный.

Иван Лукич Дремов протиснулся в узенькую калитку небольшого скверика, разбитого напротив здания райисполкома. Размахивая желтым портфелем с огромными блестящими пряжками, он подошел к скамеечке, на которой в одино-

честве грустил директор бани Синегубов.

— Топится, топится в огороде ба... — шутливо запел было Иван Лукич, но, заметив, как вытянулось при этом лицо приятеля, оборвал частушку на полуслове.

Он сел рядом. Вечерело. Мимо проходили люди, многие из них здоровались: в небольшом городке все, как правило, знают друг друга.

— Понимаешь... — Синегубов доверительно склонился к Ивану Лукичу. — Такое вокруг творится, что и понять невозможно. Старую, должно быть! Старую... Слышал, мне грязную воду на огурцы напустили?

— Грязную воду?! — с притворным удивлением спросил Лукич, хорошо, однако, зная о случившемся по рассказам.

— Неужели?!

— Да! И еще записку на грядке оставили. В стихах. — Синегубов порылся в кармане пиджака, достал сложенный листок. — Вот!

Чтобы тля на огороде
Не водилась никогда,
Вам нужна, Евстрат Потапыч,
Эта мыльная вода!

Привет! Тигр.

— Ишь ты! — удивился Иван Лукич, увидев подпись «Тигр».

Невдалеке показался начальник милиции Ильиных.

Иван Лукич поднялся и шагнул навстречу высокому, стройному и улыбчивому капитану.

— Как дела, Петр Савельевич? Не разобрался еще?

— В нашем ремесле спешить нельзя, — с достоинством проговорил Ильиных, сдерживая улыбку. — Нужна вдумчивая и кропотливая работа.

— Ну-ну... Дело, конечно, не спешное... — Иван Лукич кивнул в сторону Синегубова. — Но вот Евстрат Потапыч тоже цидулю получил с такой же подписью. Собирай, брат, улики! Это тебе...

Иван Лукич умолк, потому что завидел секретаря райкома Бушуева, который неторопливо шагал рядом с учителем математики Жуковым.

Иван Лукич подтянулся, приготовясь поздороваться, и прислушался к их разговору.

— Одобряю, одобряю, — говорил Бушуев. — Только без перегибов. Пусть молодежь берет это в свои руки.

— Серьезность и важность всей затеи они прекрасно понимают, — отвечал Жуков. — Значит, Николай Николаевич, поддержка будет? В случае чего мы — прямо к вам.

— Добро! Действуйте!

Бушуев пожал учителю руку, они расстались. Расклавшись с Иваном Лукичем, Бушуев увидел сидящего в садике Синегубова и весело проговорил:

— Евстрат Потапыч! Хвалю за инициативу. — Бушуев засмеялся, подмигивая Ивану Лукичу. — Какую аллею Синегубов подарил городу! Прохожу сегодня по Нагорной, а липки шумят листвою. Благодарить!

— Да я... — заикнулся было Синегубов.

— Не скромничай, не скромничай. Заслуженную похвалу можно принимать спокойно... И тебя, Дремов, тоже надо поздравить! — еще пуще засмеялся Бушуев. — Не подозревал я, Иван Лукич, что ты такой лихой декламатор! И так хорошо «Правила охоты» знаешь! Значит, нагонка зайцев производится без ружья и в специально выделенных для этой цели местах?

Иван Лукич сослался на то, что ему очень некогда, и поспешил прочь. Он шел почти бегом и даже не обратил внимания на пухлогубого парня, который пристально посмотрел на него, повстречавшись, а затем побежал вдогонку.

— Дядь Ваня! — сначала нерешительно, а затем радостно воскликнул парень. — Дядь Ваня!

Иван Лукич вскинул глаза.

— Васька?.. Василий?..

Они расцеловались.

Обнимая племянника, Иван Лукич похлопал его по спине, и рука попала в какую-то дыру на куртке. Иван Лукич взял Василия за плечи и рывком повернул его кру-

гом. На щегольской куртке туриста зияла большая дыра с коричневыми закраинами.

— Прожег у костра, — стал оправдываться племянник. — Уснул ненароком. Уголь из костра вылетел!..

Но Иван Лукич слушал невнимательно. Мысли его были заняты другим: «Кто такой тигр?»

□ МЕТОД ЗАСЕЧЕК

Виктору снилось: Сергея и его поймали в невод. Они барахтаются в мокрой, наполненной скользкой тиной и водорослями мотне и никак не могут выбраться. Вокруг — бородатые рыбаки. Один, радостно ухмыляясь, все старается поддеть его, Витьку, на длинную рыбью кость. Откуда-то

вынырнул пузатый Иван Лукич и закричал:

— Не отрывайте им головы! Не отрывайте! Я на них Рогдая наганивать буду!

Но в самый критический момент — откуда ни возьмись — Сережкин дед в форменной фуражке. Вскинув к плечу ружье, он грозно произнес:

— Всеми способами, кроме общеопасных!.. — и нажал курок.

Выстрел! Сноп огня полыхнул из ружейного ствола.

Виктор испуганно открыл глаза. Рядом в костре ярко пылали еловые ветки — Сережкина постель. Виктор осмотрелся. Сергея поблизости не было.

«Опять сбежал. Сбежал и не разбудил», — решил Виктор.

Стояли сумерки. На запад уплывали остатки дожде-

вых туч, дул влажный ветер. Налетая слабыми порывами, он упруго раскачивал своды ветвей над головой.

Тщательно погасив костер, Виктор по мокрой после дождя траве двинулся к опушке. На вершине холма, в зарослях осинника, остановился, полюбовался узенькой полоской зари. В пойме над лугами бродили беледые сгустки тумана. Птицы молчали. Только в болоте коростель ржаво скрипел монотонную песню. Для Виктора эта песня не была однообразной, хотя и строилась из нескольких звуков. Голос птицы то был похож на унылый скрип сухого дерева в лесу, то на утиный крик, то вдруг раздавался призывно и нетерпеливо. В споре с Сергеем Виктор как-то утверждал даже, что эти короткие звуки дергач издает в такт ударам своего маленького птичьего сердца. А сейчас?

В голову приходили строчки и рифмовались по привычке:

Проплывали тучи стороною,
Ветерок за ними мчался вскачь,
А в лугах за спящею рекою
Тосковал и нервничал дергач.

Издалека, с темных заречных бугров, долетел протяжный гудок паровоза. И не успел он замереть, как над камышовым болотом поплыл густой, низкий вой. Коростель на минуту затих, будто прислушался к скорбному протяжному звуку.

«Она! — обрадовался Виктор. — Наконец-то выдала себя!»

Он вынул из нагрудного кармана маленький план местности, вычерченный на бумаге, и карандашом поставил стрелку в том направлении, откуда доносился вой. Тут же, на оборотной стороне листа, записал четверостишие о дергаче.

Мысли его опять вернулись к волкам. Волки эти были совсем особенные. Они не нападали на колхозных овец,

не таскали собак из деревень, да и людям на глаза не попадались. Они вели себя очень тихо, и никто из местных охотников не догадывался, что совсем рядом, под городом, поселилась волчья семья. Первым об этом проведаль дед Сергея. Часто на дорогах он стал замечать волчьи следы, а потом напал и на остатки трапезы серых разбойников. Волки зарезали косулю. Старый лесник понял, что где-то недалеко волчий выводок.

Заняться уничтожением его у Антонова не было времени. Ждать осени, когда работы станет поменьше и когда можно будет провести облаву, он тоже не мог. За лето волки успевают изничтожить множество лесных зверей и птиц. Леснику особенно было жалко косуль. Когда-то эти грациозные животные во множестве водились в окрестных лесах. Но после нескольких зим, когда снега были особенно глубоки, численность косуль резко сократилась. Перед весной снег в лесу сковывала крепкая корка наста. Косули резали себе ноги и не могли передвигаться. Они десятками скапливались возле дорог и у зародков сена. Здесь они становились легкой добычей волков, бродячих собак и браконьеров. В последние годы косули вновь появились на территории лесничества. Теперь их тщательно охраняли. Специально для них лесники косили сено и выкладывали его зимой в кормушки. Все шло хорошо — и вдруг эти волки...

Дед рассказал обо всем Сергею, и Сергей взялся истребить выводок.

Уже неделю Сергей и Виктор колесят на велосипедах по лесным дорогам, изучая направление волчьих следов. Неделю ночуют у костров и слушают на зорях волчий вой. И вот работа подходит к концу. Сегодня круг замкнулся.

Ветерок утих. Заря позолотила верхушки берез и осин. В ее отблесках наполненные дождем колеи лесной дороги протянулись вдаль розовыми рельсами. Взгляд

Виктора скользнул по этим рельсам и уперся в темную точку. Вот когда он пожалел, что не захватил ружье. Волк! Было что-то величественное и в то же время угрюмое в неторопливом нарыске зверя. Держался он середины дороги и приближался, чуть пригнув голову. Шерсть на высоком загривке поблескивала капельками влаги.

Виктор замер за деревом. Он обязан заметить место, где волк свернет в лес. «Вот Сергей обрадуется, когда я преподнесу точные координаты!»

Зверь, пробегаая вдоль опушки, вдруг сделал громадный прыжок, упал и схватился зубами за бок. В тот же миг докатился звук выстрела. Из густых зарослей можжевельника поднялось синеватое облачко порохового дыма.

— Сергей! — Виктор бросился навстречу другу. Счастливый случай. Сергей, несколько раз услышав волчицу, отметил направление воя и преспокойно возвращался к ночлегу, собираясь задать настоящую головоломку нерадивому поэту-соне. У Лосинового ключа он задержался, чтобы напиться, и столкнулся с волком.

Теперь матерый лежал у его ног на влажной траве.

— А говорили: не сможем! — ликовал Виктор. — Красота!..

— Давай план, «красота»! — проговорил Сергей, довольный. — Дело теперь за выводком. Всю семейку ликвидируем.

Он внимательно проследил направление стрелки на плане Виктора, достал свой чертеж и проставил на нем еще одно направление.

— Гляди, что получается. Видишь? Это и есть метод засечек.

На плане — контуры лесных кварталов. Часть их обведена красным карандашом. Это места подозрительные, как называл их Сергей. Много раз подряд они одновременно из разных точек слушали волчий вой и отмечали

его направление стрелками. Все туже стягивалась петля вокруг волчьего логова. И вот, наконец, захлестнулась. Выводок, несомненно, в Камышном болоте. Четыре стрелки встретились и пересеклись здесь.

— Теперь их песенка спета, — сказал Сергей. — Готовь стихи: истреблен последний волчий выводок в нашем районе.

— А ты уверен, что последний? — спросил Виктор.

□ ВОЛЧАТА! ВОЛЧАТА!

Васька Дремов — племянник Ивана Лукича — оказался деятельным и предприимчивым парнем. На второй же день после приезда он вместе со своим молчаливым другом решил сделать вылазку на Камышное болото. Цель? Самая обыкновенная: наловить утят

и, как сказал Васька, сварганить королевское блюдо — утиное рагу божественного вкуса и неповторимого запаха.

Иван Лукич, выслушав этот романтический замысел, сделал ряд практических указаний, проинструктировал и вручил племяннику «соответствующую» сеть.

До Камышного болота приятели добрались без особых происшествий. Поплутав по зарослям ивняка, выбрали небольшое озерко, заросшее осокой, растянули на кольях сеть и перед гоном решили чуток отдохнуть.

Замшелые кочки, усыпанные зелеными шариками незрелой клюквы, были мягки, словно пуховые перины. Василий выбрал самую широкую, улегся и закурил.

— Так вот, — начал философствовать он, — мы нахо-

димся в таежной глуши. Когда-то при царе в этот забытый богом городок ссылали опасных людей. Одним словом, каторга. Конечно, о культуре и высоком искусстве речи быть не может. Суди по дядюшке... Глуповат, простоват... Наша задача — только отдохнуть на лоне девственной природы. И нет смысла стараться заронять в замшелые души здешних аборигенов зерна цивилизации.

— Трепись! — ухмыльнулся Аполлон, лежа на животе и подперев свою круглую белобрысую голову руками. Локтями он ощущал, как сквозь мох просачивается холодная вода. По рукавам клетчатой ковбойки расплзались коричневые влажные пятна.

— Конечно, — продолжал свою мысль Василий, не обращая внимания на ироническую ухмылку Аполлона, — я не берусь утверждать, что цивилизация сюда совсем не проникает. Ты видел, как разрастается завод? А что это значит? Это значит, что всем окрестным лесам — прямая дорога на пилораму. Слышал, дядюшка говорил, Васькин бор рубить начинают? А ведь бор какой! Вот тебе, юноша, и результаты цивилизации: бор вырубят, пруд загадят, да он и сейчас уже порядком загажен. Короче говоря, «плакала Саша, как лес вырубали»! — Васька скорчил траурную мину и сплюнул сквозь зубы. — А нам и наплевать, юноша! Мы туристы — нам все интересно! Давай-ка за дело! — Васька рывком вскочил с кочки.

— Тоже мне, дело, — пробурчал Аполлон и, закатав повыше штаны, следом за Васькой полез в болото. Васька уверенно пробирался вперед. Холодная вода обжигала ноги, а солнце нещадно пекло затылок. В небольшой заводи по ярко-зеленой ряске, сплошь покрывавшей зеркало воды, разбегались темные дорожки — здесь только что кормился утиный выводок.

Васька прикинул, где сейчас этот выводок прячется, и приказал Аполлону:

— Шуруй тем краем! — Да поживей, не бойся штаны замочить. Смелей, смелей, юноша!

А по другую сторону болота Сергей, Наташа, Виктор и несколько крепких ребят разыскивали волчье логово. Несмотря на казалось бы точный план и безукоризненные наблюдения, проведенные методом засечек, дело двигалось туго. Солнце приближалось к полудню, а на логово и намека не было. Отчаявшись, решили прочесать все болото. Распределив участки, стали ходить по камышам, кустарникам и рошицам параллельными маршрутами, держась метрах в ста друг от друга.

Виктор шел вместе с Наташей. Она обеими руками придерживала киноаппарат.

На вершине тонкой асины беспокойно затрещала со- рока. Виктор свернул в сторону, чтоб выяснить причину ее тревоги, заметил куртинку — небольшую группу елочек, что возвышались над руслом ручья, и кинулся туда.

Над зеленым морем камыша появилась черная шевелюра Сергея:

— Витька! Маршрут нарушаешь!

Но Виктор был уже у цели. Подозрительный шорох, что послышался в зарослях маленьких елочек, заставил его насторожиться. Виктор различил желтые глаза волка. Взгляд на взгляд! Витька хотел крикнуть, но не смог. Как загипнотизированный, смотрел он прямо в глаза зверя, в бездонные, казалось квадратные зрачки, горящие ненавистью.

— Сережа! Здесь.

Зверь метнулся в камыши и, оглядываясь, словно за- зывая, стал удаляться.

— Стой на месте! — Разбрызгивая болотную грязь, Сергей устремился к Виктору. — Это, должно быть, вол- чица. От логова отводит.

Подняв над головой киноаппарат, прибежала На- таша.

На берегу ручья когда-то росла высокая ель. Потом ее повалило ветром. Вдоль ствола ровной щеткой поднялись молодые елочки. А под выворотнем зияло темное отверстие норы. Сергей смело залез туда и одного за другим выбросил пятерых волчат. Наташа взобралась на высокий пенёк и прицелилась объективом. У одного из щенков на груди сияло белое пятно. Виктор смотрел на звездочку и смущенно сопел: ему, признаться, было жаль зверенышей.

Бросила, оставила волчиха
Беззащитных пятерых щенят.
Камыши шуршат об этом тихо
И листвою ивы шелестят... —

заговорил он стихами.

Сергей вылез из норы мокрый и грязный, но веселый, довольный.

— Больше нет! Витька, давай мешок!

— Серега, мы ведь не станем их убивать? — спросил Виктор. — Знаешь, унесем их на кордон. В зоопарк напишем. Может быть, примут.

Сергей задумался. Конечно, убить взрослого волка — одно дело, но маленьких несмышленых щенят... В зоопарк? Сергей бывал в зоопарке, и у него осталось очень тяжелое впечатление. Никогда не забыть молодого лося в маленьком вольере.

Красавец зверь стоял за железной сеткой и безучастно глядел на далекие, в дымке, горы, потом вдруг бросился к загородке, наткнулся на нее, затряс ушами, кожей на загривке и уныло, подавленно возвратился на старое место.

Нет! Сергей, конечно, не против зоопарков. Людям больших городов надо знакомиться с дикими животными, знать их не только по картинкам. Но нужны зоопарки, а не зооклетки и зоотемницы, где даже орлы теряют свой царственный облик...

— Складывай, — угрюмо проговорил Сергей, раскрывая мешок. — Куда деть — потом решим.

Только уложили волчат — с болота донесся пронзительный тревожный возглас:

— В воду-у-у-у!.. Плыви!

Сергей вскинул голову, прислушался.

— На Гиблой кричат. Кто-то тонет!

Все бросились в болото.

Треск сухих камышей и близкие голоса вернули Аполлону обычную уверенность. Не касаясь вязкого дна ногами, он подплыл к ближайшей кочке и, схватив с нее шест, стал тянуться к барахтающемуся в чавкающем буром месиве приятелю. Видок у Василия был жалкий. Нити водорослей переплетались со взлохмаченными волосами, лицо заляпано грязью, зеленой и черной вперемешку. Глаза округлены, и в них только страх, только боязнь за жизнь. Мокрая, перепутанная сеть обвила ему ноги, удерживая на опасном участке.

— Держись! Держись! — кричал Аполлон.

Из камышей показались Сергей, Виктор и Наташа. Первым движением Сергея было броситься на помощь. Но, окинув быстрым взглядом картину, он осадил всех и приказал Наташе:

— Веди съемку! Видишь, докатились туристы! Утят истребляют. Окурки!

— До чего смешной кадр! — Наташа даже взвизгнула от удовольствия.

Василий пытался укрыться от объектива, но его тянуло ко дну. И он бормотал что-то вежливое:

— Вечером я буду к вашим услугам, а сейчас...

— Сейчас ты заберешь орудия лова вместе с добычей и пойдешь с нами, — крикнул Сергей, протягивая ему шест.

— Еще два волчонка! — сказал Виктор. — Их тоже надо в зоопарк или на какую-нибудь выставку?

Сергей и Наташа сидели на обочине дороги и ждали машину, что должна доставить их в Тонкую Гривку.

— По-моему, Витька обиделся, что его не взяли, — с грустью сказала Наташа. — Ты все командуешь да за стихи его ругаешь.

— За стихи! — откликнулся Сергей. — Да за стихи его убить мало: сплошная есенинщина. Поймай, как это у него? — Сергей задумался припоминая: — Ага, вот пожалуйста:

Туманы в лугах заливных залегли,
Над ними стога — что курганы,
Как будто до самого края земли
Курганы стогов да туманы.

Сергей читал с придыханием, подражая Виктору:

И запахи сена, и ночь, и луна,
И где-то в туманах гармошка
Чуть-чуть вместе с песней девичьей слышна...
Мне сладко и грустно немножко.

— Ишь ты, и сладко, и грустно, и кисло... Разве такие стихи нам сейчас нужны?

— Ну как ты не понимаешь? Витька — лирик! А для твоих целей нужен просто другой поэт.

— А где его взять, другого?

— Не знаю! Но Витьку ты зря обижаешь! Вот и сейчас дома оставил...

— Да ведь не на пикник едем, чего ж толпой бродить? Дела в городе бросить нельзя! И потом, — Сергей лукаво прищурился, — почему ты все время о Витьке печешься?

Почему он сам ко всему терпеливо относится, а вот ты возмущаешься?

Наташа ничего не ответила, только загадочно улыбнулась.

Сергей задумался. Из-за поворота вынырнул грузовик. Еще издали шофер подал сигнал.

— Легки вы на подъем! — улыбнулся шофер, открывая дверцу кабины. — Не успел разгрузиться, а вы уж собрались. Рюкзак-то можно в кузов, никуда не денется.

— Нельзя в кузов, оптика! — Наташа села в кабину и положила рюкзак на колени. — Поехали.

Машина пылила по широкой хорошо наезженной дороге среди обширных полей. Но вот замелькали перелески, потом к самой дороге подступил сосновый бор. Дорога стала уже. Она то петляла по буграм, меж высоких сосен, то спускалась в лога, где приходилось преодолевать глубокие колеи и шаткие мостики через бесчисленные ручьи. Старенький грузовик ревел на крутых подъемах и зло буксовал в колеях.

Деревня, куда ехали ребята, звалась Тонкой Гривкой не случайно. Она и в самом деле стояла на тонкой, узкой гриве в окружении сплошных болот. В болотах росли корявые замшелые сосновые и еловые леса. Рубить их было и трудно, и не выгодно. Лишь по редким буграм жители выкорчевывали лес под пашню. Пашни были маленькими, но удивительно плодородными.

Дальше Тонкой Гривки дорога не шла. Дальше лежала глухая тайга.

На окраине Тонкой Гривки ребят встретил парень в синей рубашке-косоворотке и с темным курчавым чубом. поприветствовав Сергея, он удивленно смерил Наташу взглядом.

— А как же, — не без гордости ответил Сергей.

Парень многозначительно пожал маленькую Наташи-

ну руку своею большой, изрезанной шрамами, испятнанной ввевшимся в поры машинным маслом.

— Мы не опоздали?

— Как раз вовремя. После обеда наш лосятник в лес отправится. А мы сразу пойдем. Еще один сейчас будет. Я, пожалуй, за ним сбегаяю.

Пока Сергей с Наташей готовили киноаппаратуру, появился еще один парень — широкоплечий, коренастый крепыш. Он все время улыбался, будто напоказ выставляя ровный ряд белых зубов.

Через огороды, стараясь не попасться никому на глаза, все четверо выбрались в поле, пересекли его и скрылись в березняке.

Место для засады выбрали среди болотных кочек, покрытых густым непроглядным кустарником. Наташа отсняла на пленку самолет браконьера — хитроумную ловушку из согнутых берез и двух петель крепкого стального троса.

Теперь ей был нужен автор этого варварского самолета. Пока он не показывался. Ребята лежали, тихо разговаривая. Наташа сидела на кочке, прислушиваясь к таинственным лесным шорохам и думала: как здорово получается в жизни! Отец подарил ей фотоаппарат «любитель», с которого началось ее увлечение будущей — и это так! — профессией оператора. Первые серенькие снимки, бессонные ночи в фотобудке, увлечение пейзажными съемками, любительская киностудия в школе, Витька, Сергей. И вот она, Натка Лаптева, сидит с киноаппаратом в лесу, за тридцать километров от города. Сидит в засаде, поджидая матерого браконьера-лосятника для того, чтобы рассказать людям о его черных делах.

Наташа смотрит на старую, поросшую березняком гарь. Среди молодых березок одиноко торчит обуглившаяся сосна. Заросли иван-чая заполнили алыми гроздьями поляну. Уже не видно почерневших древесных стволов —

жертв пожара. На их месте — новое, молодое, цветущее.

Наташа вздрогнула: из куста вынырнула большая бирюзовая стрекоза. Затрепетав крыльями, она повисла над Наткиной головой, потом описала круг и вдруг стремительно кинулась на комара. Съела его и бросилась на очередного.словно маленький четырехкрылый истребитель, она патрулировала над головой Наташи.

Наконец-то лосятник появился вдали, на тропе. Это был высокий статный мужчина с красивым лицом и черными горячими глазами. Шел он легко, шел, как хозяин, уверенно. За спиной виднелись крошнн, топор и ружье-одностволка. Возле самолота мужчина, заметив какую-то неточность, остановился, быстро сбросил на землю ношу и стал аккуратно поправлять свою насторожку.

В это время Наташа запустила наведенный на него киноаппарат. Лосятник испуганно оглянулся и увидел нацеленный объектив. Намереваясь отскочить в сторону, он выпустил насторожку из рук — и, словно две гигантские пружины, выпрямились, взметнулись вверх пригнутые березы. Стальная петля захлестнула ноги лосятника, и он, перевернувшись в воздухе, повис над землей вниз головой. Раздался его хриплый вопль. Сергей выскочил из засады, схватил топор и хотел перерубить петлю.

— погоди! — остановила его Наташа. — Пусть кто-нибудь из ребят покажет на него пальцем. Так! Правильно. Снимаю крупным планом.

В окошке видоискателя мелькала покрасневшая от напряжения, искаженная гримасой испуга физиономия браконьера.

— Хватит! — Наташа опустила киноаппарат. — Руби-те петлю.

Стальной трос лопнул после третьего удара. Браконьер грузно шлепнулся на землю, сел и, словно побитый

щенок, заскулил. От его былой красоты, гордой осанки, уверенности и следа не осталось.

— Нету такого закона, чтобы людей подвешивать, — тянул он со всхлипом. — А если бы мне петлей ноги по-выдергало?

— А лосей подвешивать есть закон? — ответил ему белозубый улыбчивый парень. — Ты, товарищ Кузьмин, о своей личной персоне заботишься? А о том, что общественное?

— Ванька, давай лучше разойдемся мирно, — изменил тон лосятник. — Тебе ведь, смотри в моей бригаде работать...

— Ничего, потерплю. Поговаривают, что бригадира скоро «повысят». Слушай. У Гиблой елани и старого рудника свои самолеты без нашей помощи снимешь! Ясно? Пойдемте, ребята!

— Ружье, ружье, дьяволы, отдайте! — прокричал вслед Кузьмин.

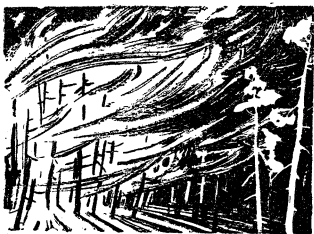
— Поищешь! — отмахнулись от него. — Теперь поумнел? Сходишь в райком комсомола, в райсовет, в милицию — еще поумнеешь.

Наташа шла впереди, перескакивая и перелезая через поваленные пожаром толстые стволы деревьев. Взобравшись на одну из валежин, она случайно глянула в сторону и замерла: прикрыв боком лосенка, совсем рядом стояла лосиха и внимательно смотрела на людей темными большими глазами. Казалось, она знала, что они пришли сюда затем, чтоб стальная петля браконьера не захлестнула ни ее, ни ее маленького детеныша. Лосенок сладко прильнул к вымени и, причмокивая, сосал молоко.

— Т-с-с, — Наташа присела и перезарядила киноаппарат. Лосиха позировала спокойно. Лишь огромные, похожие на рупоры уши тревожно шевелились. Пленка кончилась.

— Спасибо! — громко крикнула Наташа и засмеялась. Лосиха испуганно прижала уши, круто повернулась и, подталкивая грудью неуклюжего рыжего детеныша, скрылась в лесу.

□ ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Лесной пожар бушевал всю. Гигантские языки пламени взлетали над вершинами деревьев и, хлебнув кислорода в знойном, заполненном дымом небе, перекидывались на соседние деревья. Даже огню нечем было дышать под кронами охваченного пожаром леса.

Шквальный ветер взметал снопы искр, и они, словно лепестки какого-то сказочного яркого цветка, падали на белый олений мох, на сухую лесную подстилку из прошлогодней сосновой хвои. Там, куда они падали, со зловещим потрескиванием, в обрамлении голубого дыма, распускались цветы огня, жуткие, все пожирающие цветы.

Пожар начался на краю сосновой гривы, у Черного болота, в двадцати восьми километрах от города, в местах глухих и безлюдных. Двое топографов, техник и рабочий, ночевали у костра. Они крепко спали, когда стрельнула в костре сухая еловая ветка и маленький охваченный огнем кусочек ее отлетел далеко в сторону. Загорелась хвоя, потом валежник. Когда топографы проснулись, было уже поздно. Они хлестали огонь ветками, вбивали в землю телогрейками, но безрезультатно. Свежий ветер с чистин Черного болота гнал огонь в глубь леса.

Около семи часов утра низко над кордоном лесника Антонова пронесся патрульный самолет ЯК-12. Лесника дома не было, он рано ушел на питомник. На сеновале сладко спали Виктор и Сергей. Сергей услышал гул самолета и сквозь дыру в кровле выскочил на крышу сеновала. Он стоял в одних трусах и изо всех сил размахивал руками, стараясь привлечь к себе внимание пилота. Его, видимо, заметили. Самолет сделал круг и, пройдя еще раз над домом, сбросил выпел.

Спросонок Виктор долго не мог понять, что случилось. С трудом Сергей растолковал ему, что нужно быстро собрать ребят и через деревню Сосновку на велосипедах ехать до речки Талицы, там велосипеды бросить в избушке и по квартальной визирке добраться до Черного болота. За болотом горит лес.

— Нас с дедом вы догоните. Я соберу здесь пожарный инвентарь, возьму лошадь и напрямик через лес на Сосновскую дорогу, — сказал Сергей.

— Наташку звать? — садясь на велосипед, спросил Виктор.

— Ни в коем случае!

Виктор с силой нажал на педали и уже скрывался за поворотом дороги, когда услышал окрик Сергея:

— Витька! Ладно, пусть едет да аппарат захватить не забудет!

А через два часа из города по Сосновской дороге выкатилась цепочка велосипедистов. К рамам велосипедов были привязаны топоры и лопаты, за плечами ребят топорщились рюкзаки с провизией.

Сергея по дороге не встретили. В Сосновке спросить, проезжал он или нет, было некого — все жители ушли на пожар. До речки Талицы добрались быстро. В избушке оставили велосипеды и, вооружившись топорами и лопатами, двинулись дальше.

Сергей говорил, чтоб к болоту шли по квартальной

визирке, но где начиналась эта визирка, никто не знал. После долгих поисков наткнулись на какую-то просеку и пошли по ней.

Наташа впервые в жизни забралась в такую глушь. Здесь была настоящая тайга. Мягкий зеленый мох лежал на земле ковром. Нога утопала в нем по щиколотку. Толстенные кедры с пушистыми кронами и сухими обломанными вершинами стояли просторно. Во мху под ними валялись крупные побуревшие от сырости и покрытые легким налетом плесени прошлогодние шишки. Здесь же, у подножия живых великанов, лежали их мертвые предшественники. И прямо на них, на еще крепких мертвых стволах, росли молодые пушистые кедрушки. Они вырастали семейками по шесть-восемь штук. Видно, птицы-кедровки понапрятали под кору поваленного дерева орехов да и забыли про них... Вот и пошла по старому стволу молодая поросль.

Когда спустились в лог, Наташа обратила внимание на елки. Они стояли в низине, у подножия склона, а вытянулись так, что их вершины были вровень с вершинами кедров и сосен, растущих по склону. Эти ели были метров на пятнадцать-двадцать длиннее других деревьев. Наташе на глаза попался огромный выворотень. Почти все корни располагались в одной плоскости. Они не входили глубоко в почву, а широко распластались у самой поверхности. Почва на том месте, откуда ветер выворотил эту елку, была самая обыкновенная, серая и, по-видимому, очень бедная. А, вот поди ж ты, такая громада вымахала на ней.

Поднялись на гриву, когда солнце уже стало склоняться к западу. Оно было удивительно красивым и каким-то туманным. На гриве рос сосняк — настоящая корабельная роща. Сосны, прямые, златокорые, величаво шумели кронами. Под ногами алела созревающая брусника. Наташа на ходу подцепила горсть ягод и

увидел, что красные они только с одного бока, а с другого совсем белые. Ягоды были совершенно безвкусные.

Витька, шедший следом за Наташей, увидел, что она сорвала бруснику, долго искал что-то среди травы и наконец нашел. Этот кустик очень напоминал брусничник, только листья были более яркие и глянцевитые. Ягоды внешне ничем не отличались от тех, что сорвала Наташа. Однако это были совсем другие ягоды. Витька дал попробовать Наташе, и та сразу же их выплюнула. Во рту после них осталось какое-то вяжущее ощущение. Сока в ягоде почти не было.

— Это толокнянка, — объяснил Виктор. — В наших лесах она довольно редка. Растет в борах-беломошниках.

Наташа и не заметила, как бор-брусничник сменился беломошником. Здесь, на вершине увала, сосны были пониже и стояли редко, как в парке. На земле очень мало валежника, почти нет подроста. Чисто, хоть на велосипеде кати. Под ногами похрустывает олений мох — ягель.

Вдруг пронзительный вопль прорезал лесную тишину, будто кошке на хвост наступили. Впереди со ствола сосны сорвалась большая черная птица. С криком она поднялась над лесом, заметалась и тревожно закричала.

— Чего вы испугались? — засмеялся кто-то из ребят. — Ведь это желна, черный дятел. Шагайте живей, а то и к ночи до пожара не доберемся!

И вновь они цепочкой пробирались вперед по узенькой просеке. Наташе очень хотелось сделать несколько снимков, но она не могла остановиться, боялась отстать.

Вскоре сильно запахло гарью, небо потемнело, стало душно. Ребята приближались к месту пожара.

Когда стало смеркаться, все увидели впереди огромное зарево. Широкое, в полнеба, оно полыхало над лесами. По Витькиным подсчетам, они давно должны были выйти к Черному болоту, но пока не было и признаков его.

Идущие впереди начали сбиваться с просеки. Узенькая, намеченная лишь затесками на деревьях, она то и дело терялась в гуще леса.

Какие-то звери, вероятней всего лоси, с шумом и треском ломились сквозь чащу навстречу. Кто-то из ребят крикнул. Звери шарахнулись в сторону, и дружный их топот затих в березняке справа.

Ребята совсем было уже решили остановиться на ночлег, когда впереди показался какой-то темный силуэт. Силуэт приближался. Кое-кто схватился за топоры — не медведь ли? Но это был не медведь. Они разглядели высокого мужчину в болотных сапогах с топором за поясом. Он был в рубахе с расстегнутым воротом и без шапки.

— Куда вас несет? — со злостью спросил мужчина. — Сгореть хотите?

Наперебой ему начали объяснять, что пробираются к Черному болоту.

— Эка хватили! — хохотнул он, приглаживая пятерней растрепавшиеся светлые волосы. — Черное болото левой осталось. А вы прямо навстречу пожару прете!

— Это сосновский лесник, — шепнул Виктор Наташе. — Я его у Серегиного деда раза два видел.

— Вот что, молодцы, — сказал лесник уже потише и с грустью. — Придется нам отсюда пятки смазывать. Отойдем до Глубокого лога. Там попробуем огонь остановить.

«До Глубокого лога! До того самого, где такие высокие ели», — подумала Наташа.

— Нет! Нельзя отдать Сосновую гриву! — почти взмолилась она. — Мы должны спасти бор!

— Нужно... Нужно, доченька! — лесник положил свою большую, тяжелую руку на плечо Наташе. — Только в логу, возле воды, пожар можно остановить. Тут уж

не наша вина! Идемте! К утру туда тракторы подойдут. А пока одни воевать будем!

Ребятам оставалось только одно — вернуться. Они шли обратно по темному лесу, и Наташа с ужасом думала, что завтра вся его девственная красота превратится в безобразную грудку головешек. Ей вспомнилась старая гарь, где они снимали лосятника, — молодой березняк, заросли иван-чая, поверженные наземь черные стволы. Сколько долгих лет пройдет, прежде чем здесь вырастет такой же бор!

Дойдя до лога, сразу же взялись за работу: валили деревья, убирали хворост, готовили преграду огню. Справа слышались крики людей и перезвон топоров.

Огонь быстро приближался. Дым заполнял лес, ел глаза, щекотал в горле. Было очень жарко. Ребята то и дело спускались к ручью, пили и лили студеную воду на головы. Руки с непривычки болели и покрывались водяными мозолями. Лесник бегал вдоль цепи работающих и подбадривал:

— Шевелись, шевелись, молодцы! Тракторы скоро подойдут!

Настало утро, а тракторов все не было. Слева огонь приближался особенно быстро. Часть людей лесник отправил вверх по логу, туда, где ручей делился на два рукава. Наташа и Виктор работали рядом. Виктор орудовал топором, Наташа оттаскивала хворост. Дышать становилось нестерпимо трудно. Над вершинами деревьев пронесся черный шквал. Впереди заплясали языки огня.

— Всем отойти на правый берег ручья! — передали по цепочке. Ребята начали отходить.

Виктор замешкался возле высокой ели. Топор глубоко входил в мягкую древесину. Удар, удар, еще удар. Щепки летели во все стороны.

— Витька, Витька! — кричала Наташа, но он не слышал. Тогда она бегом бросилась к нему.

Удар, удар, еще удар! Что-то треснуло внутри дерева; и оно, прощально взмахнув вершиной, начало падать. Витька глянул туда, куда должна была упасть ель, и увидел Наташу. Он рванулся к ней, но поздно... Темно-зеленая вершина с шумом, круша и ломая ветви соседних деревьев, накрыла девушку.

Витька подбежал к вершине, упал на колени и раздвинул колючие ветви: Наташа лежала вверх лицом с закрытыми глазами. В уголке глаза светлым шариком поблескивала слезинка. Губы плотно сжаты. На тонкой шее мерно пульсировала синяя жилка. Жива!

Витька стал звать, тормошить Наташу, но она не отвечала. Тогда он, переступив через ствол дерева, схватился за сучья обеими руками и стал тянуть. Ствол слегка спружинил, он уже не давил на тело Наташи, но сдвинуть его в сторону Виктор не мог. Огонь бушевал совсем рядом. «Еще минут десять, и нам уже не выбраться!» Решение пришло внезапно: обрубить вершину, оттащить ее в сторону, и тогда Наташа свободна. Он схватил топор, взмахнул им и замер: «Каждый удар будет причинять ей боль!» Но выбора не оставалось. Виктор начал рубить. Он старался наносить удары вдоль ствола, рубил с боков, как бы затесывая елку. Вдруг мимо него промчался какой-то серый зверь и скрылся в дыму. Витька видел его лишь краешком глаза. «Все боятся огня», — подумал он. Но зверь появился снова, уже с другой стороны. Заметив Виктора, он остановился как вкопанный, вильнул хвостом и радостно взлаял. Ну, конечно, это был Тропка, остроухий пес Сереежкиного деда.

Через минуту рядом был Сергей. Он все понял с одного взгляда. Не сказав ни слова, лишь грозно сверкнув на Виктора глазами из-под опаленных бровей, он подбежал к вершине ели, ухватился за ствол и потянул на себя. Подрубленная вершина не выдержала и обломилась. Ребята попытались сдвинуть ее в сторону, но не тут-то

было. Толстый, обломанный на конце еловый сук насквозь проткнул Наташину спортивную куртку и глубоко ушел в землю. Виктор с Сергеем схватились за вершину с обоих концов, высоко приподняли ее, сук вышел из своего гнезда, и вершина отлетела в сторону. Ребята подхватили Наташу и кинулись к ручью. Вокруг уже все горело. Тропка облизывал лапы и, повизгивая, скакал впереди...

Прошли сутки.

Наташа проснулась в избушке. Свет смутно проникал в маленькое оконце. О стекло бились красные, отъевшиеся комары. Рядом на нарах храпел какой-то обросший черной щетиной мужчина. Дверь была плотно прикрыта. Наташа хотела подняться и почувствовала боль во всем теле. Голова была тяжелой, остро саднил левый бок, ныли смозоленные ладони. Превозмогая боль, она встала и, слегка прихрамывая, вышла из избушки. Удивительная красота встретила ее за порогом.

Был почти полдень. Солнце ярко светило, и пестрые блики его ползли меж деревьев. На просторной поляне перед избушкой нежно-зеленым ковром стлалась трава-мурава, птичья гречишка.

Наташу всегда удивляла способность этой травы с малюсенькими скромными цветочками приживаться там, где никакая другая трава не растет. На дорогах и тропках, возле домов и на стадионах — везде, где люди вытаптывают растительность, на смену ей приходит птичья гречишка.

Посреди поляны, отражая солнце, блестела большая глинистая лужа. По краям ее, у самой воды, сидело множество бабочек. Те из них, что сидели распластав крылышки, были ярко-голубыми, а те, у кого крылья сложены, — перламутровыми. На краю поляны мирно паслась вороная лошадь. Скакнув раз-два спутанными передними ногами, она принималась есть траву, отгоняя слепней.

В траве жужжали мохнатые шмели. Теплый ветер шелестел в листе старых берез и гнал по синему небу легкие облака.

Такой красотой и покоем была насыщена вся окружающая природа, что и ночной переход, и лихорадочная работа впотьмах, и пожар, и даже падающая ель показались Наташе дурным сном, привидевшимся ей в душевной избушке. Но боль в боку и ссадины на ладонях убедительно доказывали, что все это было на самом деле. «Потушили пожар или нет? И куда делись ребята?» Наташа ощупала большую шишку на затылке. В волосах запутались хвоя и всякий лесной сор. Прихрамывая, Наташа обогнула избушку и по крутику спустилась к реке.

Речка была небольшая. Звалась она Талицей за то, что и зимой в самые суровые морозы не замерзала. Студеная и совершенно прозрачная вода стремительно скачивалась по каменистому ложу. Каждый камешек на дне был отчетливо виден. Маленькие серебристые рыбки с темно-серыми спинками, словно искорки, брызнули в стороны от камня, на который ступила Наташа. Опустившись на корточки и расплетая косу, она пристально вглядывалась в свое отражение. Из воды на нее глядела совсем взрослая девушка. Глаза у нее были большие-большие и почему-то очень темные. До сих пор глаза у Наташи, даже когда она очень сердилась, бывали голубыми.

«Семнадцатый год!» — вовсе без радости подумала Наташа. Она опустила руки в холодную воду. Быстрые речные струи ласкали израненные ладони, вода щеко-тала их и успокаивала боль. Наташа еще раз взглянула на свое отражение и, радостно засмеявшись, ударила по нему рукой. Радужные брызги осыпали ее с ног до головы.

— А в речке весело плескалась местная, уральская Лорелея! — раздался сзади нее Витькин голос. — Чесать

свои золотые кудри ей было нечем. К сожалению, брюки, в которых щеголяют наши Лорелеи, лишены карманов, и расческу носить негде, — продолжал Витька весело, спускаясь с обрыва. Он протянул Наташе расческу. — Ну как, жива? Бок здорово болит?

— Чепуха! — отмахнулась Наташа. — Ты скажи лучше, как пожар? Потушили?

— Почти что. В логу огонь задержали. Сейчас там бульдозеры землю ковыряют. К вечеру все будет кончено. Ты бы видела, как они, словно танки...

— А где Сергей? — перебила его Наташа. — Он здоров?

— Не знаю! — Виктор лукаво прищурился. — Во всяком случае пять минут назад, когда отправлялся прорезывать кобылий хвост, был здоров! Может быть, она уже успела его лягнуть...

— Что ты ерунду городишь! — возмутилась Наташа. — Какая кобыла? Какой хвост?

— Кобыла обыкновенная, вороной масти. Пасется на поляне. Серега пошел у ней из хвоста выдернуть несколько волосков, чтобы сплести леску. Хариусов ловить будем. К вечеру сюда все пожарники соберутся голодные, как звери!

К речке спустился Сергей. Он серьезно оглядел Наташу и стащил с головы вылинявшую солдатскую пилотку. В пилотке у Сергея был настоящий склад. Порывшись среди крючков, маленьких блесенок и еще каких-то рыболовных принадлежностей, он достал большую иголку с толстой ниткой и протянул Наташе:

— На, зашей куртку! О здоровье не спрашиваю: раз прихорашиваешься, значит, здорова!

Наташа взяла иголку и улыбнулась:

— Ты бы на себя поглядел! Ну и видок!

— А чего же не поглядеть! — Сергей, ухватившись за черемуховую ветку, склонился над водой. Вид у нег

действительно был подпорчен. Волосы на голове и на бровях опалены, на шее пунцовая царапина, перепачканная в смоле ковбойка разорвана в нескольких местах.

— Что и говорить, не Ромео, а рядовой товарищ! — сказал Сергей печально, отпуская спружинившую черемуху. — Своим видом я после займусь, а пока рыбачить будем — людей кормить надо!

Сергей и Виктор принялись вить лески из конского волоса.

— А мне что делать? — спросила Наташа, укладывая косу.

— Если дохромаешь, то помоги лошадке от слепней избавиться, — ответил Сергей.

— Ты серьезно? — удивилась Наташа.

— Вполне! Нам нужна наживка. Сейчас хариус лучше всего на слепня берет. Вот и налови слепней.

— Хорошо, — неуверенно согласилась Наташа. — Я боюсь ее!

— Кого?

— Лошади боюсь!

— Ну и тигры нынче пошли, — развел руками Сергей. — Спутанной кобылы боятся! Слышь, поэт, я сам довью, а ты научи-ка Наташку к лошади подходить. Она пусть слепней ловит, а ты, глядишь, и стишата придумаешь.

— С удовольствием! — откликнулся Виктор. — Освобождать скотину от кровососов гораздо благороднее, чем, например, выдирать ей хвост. Приятнейшее занятие для поэта! Пойдем, Наташа!

Сергей свил великолепную леску, настоящую нахлыстовую. Конец ее, который привязывается к удилищу, был довольно толст, но дальше леска постепенно утончалась и там, где привязывался крючок, становилась совсем тоненькой, всего в две волосинки. Самое трудное в этой работе — умело заправить концы волосков, иначе

леска будет похожа на волосатую гусеницу. Леска получилась коническая, ее легко было забрасывать, и она не тонула. Найти удилище было нетрудно. Сергей выбрал в густом ивняке длинный прут, срезал его и привязал к нему леску. Удочка была готова. Ни поплавок, ни грузила не требовалось, насекомых хариусы жадно глотают с поверхности.

Пришел Виктор и принес полную спичечную коробку слепней. Можно было начинать ловлю.

Сергей поднялся вверх по реке, туда, где под перека-том вода кружила в глубоком омуте. Над омутом низко нависли ветви кустарников. Когда с них в воду падало какое-нибудь насекомое, тотчас же раздавался резкий всплеск — и насекомое исчезло с поверхности. Сергей осторожно подполз к обрыву и заглянул в омут: в его темной глубине кружились какие-то листочки, травинки, а рыбы не было видно. Тогда Сергей перевел взгляд на перекат. Сквозь легкую рябь и мелькание быстрых струй он разглядел на стрежне несколько крупных рыб. Хариусы стояли головами навстречу струе и поджидали добычу, которую им принесет река.

Сергей поднялся на колени, наживил слепня и ловко метнул свою снасть чуть выше переката. Течение подхватило насекомое и поводокло его вниз. Кто-то снизу ударил наживку, и она подскочила в воздух. В тот момент, когда слепень должен был вновь коснуться воды, из глубины навстречу ему вынырнула рыба пасть, и леску стремительно повело вправо. Сергей подсек, удилище напряглось, прогнулось, и первый хариус, описав дугу, звонко шлепнулся в траву. Рыбалка началась. Сергей привычно наживлял слепня, забрасывал удочку, подсекал рыбу, а сам все думал о событиях прошедших суток. Вспоминался пожар, птицы, мечущиеся в небе с жалобными криками, звери, в диком ужасе бегущие от огня, лица виновников пожара — топографов. Молодой рабо-

чий все время жалко, заискивающе улыбался. Техник, пожилой крупный мужчина, сутулился, поминутно потирал руки. В опущенных плечах его, в печальном и неподвижном взгляде глубоко запавших темных глаз была такая тоска, что Сергею хотелось подойти, сказать что-то ободряющее. Их никто не бранил, не угрожал им. Но никто, в том числе и Сергей, не подошел, не ободрил, не протянул руку людям, которые по беспечности стали виновниками большого несчастья — гибели сотен гектаров леса.

Вспомнилось Сергею мгновение, когда в гуще дыма он увидел Наташу, придавленную елью. Он и сам не понимал, как в ту минуту он не накинудся на Витьку и, что того хуже, не разревелся.

Сергею еще никогда не приходилось терять друзей. А в то мгновение, всего в какие-то доли секунды, он вдруг понял, что Наташа для него самый большой, самый драгоценный друг. К счастью, она тогда ничего не видела и не слышала. Сергей помнил, какая радость охватила его, когда уже на телеге, по пути в избушку, Наташа пришла в себя...

Вечером у избушки было многолюдно. Пожар потушили, и там остались лишь патрульные. На поляне горели костры. На рогульках над кострами висели чайники, котелки, ведра. Люди, развалясь на траве, дремали, пересмеиваясь, рассказывали побывальщины. Один вспоминал пожар тридцать седьмого года, когда огонь подходил к самому городу, другой рассказывал, как в старину промышленники специально поджигали лес, «пал пускали», чтобы потом на свежую гарь приманить лосей.

Ребята сидели у своего костра, хлебали уху и молча прислушивались к разговорам. Из всех этих рассказов получалось, что главной причиной лесных пожаров был человек, человек с его беспечным отношением к лесу,

с его жаждой обогащения за счет родной природы и нежеланием подумать о завтрашнем дне.

— А мне сегодня Витька водяного воробья — оляпку показал! — прервала молчание Наташа. — Правда, что он и зимой в воду ныряет и рыбу достает?

— Кто «он»? Витька? — Не знаю... — задумчиво ответил Сергей. — Мне сегодня сообщили, что Дремов у прораба на строительстве дороги взрывчатку достал. Зачем бы ему взрывчатка? — И усмехнулся: — Видно, и нам скоро, как оляпкам, нырять придется!

— Согласны, только вместе с Дремовым, — пробубнил Виктор, обжигаясь ухой.

К костру подошел Сергеев дед.

— Ну, пожарники, зализали раны? — спросил он.

— Зализываем! — сказала Наташа и пододвинула к деду котелок с ухой. — Давайте с нами!

— Это можно, — согласился дед. — Как говорится: кончил дело — хлебай смело! Правда, Тропка?

За его спиной, облизываясь и повиливая хвостом, жарко дышал остроухий Тропка.

□ КЛЯТВА

Полуденный зной сменился мягкой вечерней прохладой. Цветочные клумбы в газонах расточали густой аромат резеды и душистого табака. На обочинах главной улицы городка вкрадчиво шелестели окрепшие липы.

Учитель Алексей Иванович loved these predvечерние часы, располагающие к змышлениям, отдыху, мечтам. Правда, сейчас ему бы-

ло не до мечтаний. Посматривая поверх развернутой газеты на пустынную улицу, Алексей Иванович ждал своего любимого ученика Сергея Антонова и мысленно готовился к серьезному разговору с ним, сортировал «тревожные факты», перечисленные недавно на заседании исполкома райсовета.

Особенно рьяно выступал на заседании Иван Лукич Дремов. Он прямо-таки метал громы и молнии в адрес неизвестных разбойников и упрекал начальника милиции Ильиных в попустительстве.

— Я-то знаю, что может получиться из этих хулиганов, именующих себя «тиграми»! — негодовал Лукич. — Посмотрим фактам в лицо! Рогдая у меня сперли? Сперли! Но это мелочь! Согласен! Евстрату Потапычу в его собственный огород пустили мыльную воду? Пустили! Это, допустим, баловство. Но, дорогие товарищи, завтра может произойти другое! Принесут ко мне конвертик с письмом такого содержания: дорогой или там уважаемый Иван Лукич! Сегодня к восьми часам доставьте к старой котельной, что за городской баней, пятьсот рублей. Что вы на это скажете?

— И доставишь! Ей-ей, доставишь! — вдруг весело проговорил Ильиных.

— В том-то и дело... — Лукич умолк, обвел взглядом повеселевшие лица присутствующих и с обидой заключил: — Не шутить, а горевать надо, товарищ Ильиных! Да, да... У вас под носом активно действует какая-то тайная хулиганская организация, а вы шутите. Категорически настаиваю на радикальных мерах!

В комнате наступило короткое затишье.

— А городской парк и аллея лип? Это ведь тоже «тигры»! — заметил один из горкомхозовцев.

Но это робкое замечание утонуло в шквале негодования многих других:

— Правильно, Иван Лукич! Надо выловить этого «тигра»!..

— У рыбаков монинского колхоза на озере капроновая сеть исчезла! Правда, мелкочейстая, ею ловить нельзя, но это же опять «тигры»!

— Что там сеть! — выкрикнул заведующий дорожным отделом, курчавый, низкорослый человек с круглым животом, очень похожим на крупный арбуз, припрятанный под рубашкой. — У меня на днях трактор и трамбовку с участка увели! Машины-ы-ы! Это ж понимать надо!..

— Загибашь! — поправил его Ильиных. — Твои машины в твоём же сарае обнаружили. Прочитай-ка записку, которая при них была. Что? Не хочешь? Тогда я напомню. — Он достал из полевой сумки затрепанный блокнот, полистал его и громко процитировал: — «Ваши машины, тов. Свиридов, уже месяц стоят без дела под открытым небом. Как сказал поэт: «Их моют дожди, засыпает их пыль, и ветер волнует над ними ковыль». Тигр». Не ковыль, а вы должны волноваться, товарищ Свиридов! Машины — государственная собственность, наши машины! Надо за подобные факты штрафовать руководителей организаций и предприятий. Небось, никто свои холодильники и пылесосы на улице не оставит. А машины, что валяются в поле, в десять раз дороже.

— Так ты с «тиграми» заодно? — спросил испуганно Свиридов.

— Я их еще пока не знаю, — ответил Ильиных.

Тут же слова попросил директор промкомбината:

— Товарищи, дело серьезнее, чем вы предполагаете. Эта банда уже вооружена. На той неделе наши работники из артели «Швейник» на покос отправились. Покосы у них в лесу. Вот они для безопасности ружья и захватили. День проработали, а на ночь — в балаган. Утром просыпаются — нет ружей. Пять двустволок, буд-

то корова языком слизнула! Пять ружей с большим запасом патронов! Я считаю, что наша милиция...

— И это нам известно, — спокойно прервал его Ильиных. — Уголовного дела не вижу. Вот слушайте сообщение участкового милиционера Федотова. — Он вытащил из сумки листок и стал читать: «21 июля утром я обнаружил вышеуказанные ружья у себя в сенах вместе с комплектами патронов. В патронник одного из ружей оказалась вложенной записка: «Товарищ Федотов! Согласно действующим правилам охоты, утвержденным облисполкомом, ружья конфискованны у горожан — рабочих артели «Швейник» тт. Лушников И. Ф., Самарина К. К., Тешева Л. И., Барзуна И. В., Старанова И. И., которые в неположенное время охотились на водоплавающую дичь. Тигр».

— Тигр! — выкрикнул Иван Лукич Дремов. Но больше ничего не сказал.

«Чего доброго, попадут мои «тигры» в историю», — подумал Алексей Иванович, вспоминая заседание исполкома.

Из переулка показались ребята: Сергей Антонов, за ним Наташа с Виктором. Наташа была задумчива, а Виктор, жестикулируя, то и дело забежал вперед и что-то горячо доказывал Сергею.

— Наконец-то пожаловали, — ответив на приветствие, с шутливым недовольством проговорил Алексей Иванович. — Зову, зову... Или на каникулах вы со мной уж и не считаетесь? Проходите, проходите смелее! Теперь долго не отпускаю!

В комнате учителя было тесновато. У окна, обращенного в сторону фруктового сада, стоял письменный стол, заваленный книгами и рукописями. У одной стены широченный диван, у другой — книжный шкаф до потолка. Виктор так и зашарил глазами по корешкам книг. Но большинство из них было произведениями ученых

математиков: Алексей Иванович преподавал математику. Правда, Виктор заметил и целую полку маленьких томиков — «Библиотечки поэта». Так много поэзии Виктор еще никогда ни у кого не видел. Он потянулся было к зеленому аккуратному томику Ивана Бунина, но получил ощутимый толчок в спину и поспешно отошел к дивану.

— Веди себя прилично, — шепнула ему Наташа.

— Это, Виктор, одно из первых изданий Бунина. Посмотри. Там очень любопытные произведения, — проговорил Алексей Иванович, пряча улыбку. — Мне нравится Бунин. Это был настоящий певец природы. Вы помните?

Тепло и влажный блеск. Запахи медом ржи,
На солнце бархатом пшеницы отливают,
И в зелени ветвей, в березах у межи
Беспечно иволги болтают...

— Да, «беспечно иволги болтают»... — повторил он задумчиво. — Вот она, южная Россия, Орловщина. Наш край суровее, но он не менее прекрасен. Только мало поется о нем песен, мало пишется стихов. А они нужны. Нужны, чтобы не только уральская рябина, но и сами Уральские горы, и серебристые хариусы в речках, и варакушки — наши соловьи, подобно бунинским иволгам, стали известны всей стране, стали богатством общерусским.

— Слыхал? — многозначительно спросила Наташа Сергея. — А ты еще на Виктора нападаешь.

— Кстати, коль уж зашла речь о стихах... — Учитель порывлся в груде газет на столе. — Нате-ка, прочтите!

Наташа взяла в руки газету. Сергей и Виктор заглянули через ее плечо. Все трое про себя читали стихотворение Николая Агеева «Чусовая».

— Вот это здорово! — не выдержал Сергей.

Чусовая гулко катит воды
И бурлит в проемах меж камней:

Посмотри, от каждого завода
Водостоки вывели ко мне...

— Витька, ты чувствуешь? — Сергей выхватил у Наташи газету и стал читать вслух:

Я смотрю с сыновним сожаленьем
На тебя, уральская река...
Пусть мои стихи,
Как заявление,
Разберет президиум ЦК.

— Вот это сила! Вот это поэзия!

Мало-помалу со стихов перешли к летнему отдыху, к съемкам фильма о природе.

— Сергей не помогает, — пожаловалась Наташа. — Все раскритиковал! Вы помните первоначальный замысел?

— Поэма о природе нашего края?

— Ничего не осталось от поэмы! Сергей разгромил наш сценарий! Теперь мы снимаем браконьеров, порубщиков и всякую прочую нечисть.

— Он, пожалуй, прав, — согласился Алексей Иванович. — Природу надо охранять активно. А критика фактами — действенная вещь.

— Критика?! — Наташа даже вскочила. — Пленки у меня кот наплакал! Надо было предлагать это раньше.

— Пленку раздобудем! — вмешался Сергей. — На премиальные деньги купим.

— Премиальные? Откуда? За что? — удивился Алексей Иванович.

— Волчий выводок в Камышном болоте ликвидировали, — небрежно, но в душе гордясь объяснил Виктор. — Волка и волчат взяли, а волчица скрылась!

— Поздравляю, поздравляю! — Алексей Иванович был искренне доволен успехом. — Выводок?! Уж не после этого ли рейда карикатура в БОКСе райкома комсо-

мола появилась? Кого это вы там изобразили? Не наши как будто?

— Толстый и тонкий, длинный и короткий! — подхватил Виктор.

— Туристы-любители! Аполлон Мясников и Василий Дремов!

— Родственник Ивана Лукича?

— Племянник! Утят сетями ловили!

Наташа рассказала о первой встрече с Василием Дремовым и Аполлоном Мясниковым, о их поведении в городском саду, где они демонстрировали «провинции» новые модные танцы.

— Комсомольский патруль вчера вывел их с танцевальной площадки! А Дремов даже распространяться начал о том, что-де передовое всегда с трудом пробирует себе дорогу. Дурак! — заключила Наташа. — Гонору много, а вот смелости...

— Зато у вас ее хоть отбавляй, — деловым тоном заметил Алексей Иванович. — Об этом-то я и хочу поговорить. Знаете ли вы, что в нашем районе действует какая-то таинственная организация, именующая себя «Тигром»? Наименование, как видите, очень привлекательное, а дела...

— И дела... — Виктор хотел возразить Алексею Ивановичу, но Сергей так взглянул, что Виктор поспешно умолк.

— По имеющимся сведениям, — продолжал учитель, — «тигры» натворили... много такого, что граничит с хулиганством.

— Деятельность «тигров» не должна вас беспокоить, — твердо и резко проговорил Сергей. — Они поступают справедливо. Я могу за это поручиться! Это мы, Алексей Иванович, называемся «тиграми», — смущенно добавил Сергей. — Так мы называем наш боевой отряд. У нас уже человек тридцать...

Наступило неловкое молчание. Учитель раньше догадывался, что все это проделки Сергея, но — отряд!.. Это было для Алексея Ивановича новостью: раньше были только разговоры на эту тему и туманные планы, которые ждали подробной разработки после согласования с руководством района.

— Могу ли я поступить в отряд? Примете? Или по возрасту не подхожу? — наконец проговорил он.

— Мы принимаем всех, кто разделяет наши взгляды. — Сергей повернулся к Виктору. — Клятву!

Не без торжественности Виктор вытащил переплетенную в пластмассовые пластины тетрадь-книжечку. На ней была выгравирована клякастая морда тигра. Под рисунком четко выведено:

оТряд
лИквидации
уГрозы
пРирode.

Выделенные крупные вторые буквы каждого слова даже при беглом взгляде читались четко: «Тигр».

Алексей Иванович взял книжечку в руки.

«Я, — громко начал читать он, — с этого момента принимаю под свою охрану великое наследство, которое оставили мне предки. Это наследство — чудесная природа нашего родного Урала!

Понимая ответственность перед грядущими поколениями, я клянусь беречь, пестовать наши реки и озера, горы и долины, леса, поля и луга.

Я клянусь охранять животный и растительный мир Урала.

Я клянусь восстанавливать загубленное и создавать новое, чтобы природа нашего края стала еще богаче и прекраснее, под стать наступающей эпохе коммунизма.

Я клянусь беспощадно, энергично, инициативно и творчески бороться с браконьерами, злоумышленника-

ми и всеми, кто сознательно или невольно стал врагом природы!»

— Где ставить подпись? — спросил Алексей Иванович.

□ ВЗРЫВ НА ВОДЕ

Коротки летние ночи. Выслушаешь две-три побывальщины какого-нибудь рыбака, и уже зорька тебе подмигивает — за дело браться велит.

Иван Лукич любил поговорить, ошарашить неискушенных слушателей потрясающей историей из своей «бродячей жизни». После ужина он сел

на своего конька и стал рассказывать байку за байкой. Шофер, которому все эти похождения были давно известны, курил, время от времени сплевывая на угли. Василий из вежливости слушал дядюшку. Аполлон спал.

— Странный у тебя приятель, — заметил Иван Лукич, когда храп Аполлона заставил его повесить голос. — Молчит, как пень.

— Он и на экзаменах молчит, — ответил Василий. — Даже профессора удивляются.

— Ладно, утром развеселим. Небось, и ты еще не видел настоящей рыбалки.

И шофер, и Василий заснули. А Иван Лукич не спал почти всю ночь. Он то подкладывал хворост в огонь, то вновь принимался пить крепкий чай, то прислушивался к сонным голосам обитателей озера. Озеро плескалось совсем рядом, за узкой каймой прибрежных тростников. В глубокой ложине меж лесистых холмов протянулось оно километров на двадцать в длину и на четыре-пять

в ширину. На озере было множество небольших каменистых островов с довольно поэтическими названиями: Соколиный, Черемуховый, Боец, Синий. Все они поросли буйным лесом. Само озеро звалось Долгим.

Из Долгого вытекала единственная речушка. У истока этой речки Дремов и остановился. Здесь был наилучший подъезд к берегу и, главное, глубочайшая яма. Не в первый раз Иван Лукич приезжает на эту яму.

«Не яма, а золотое дно», — думал Дремов, прихлебывая чай из своей большой походной кружки.

В тростниках тревожно прокричала лысуха. Ей откликнулась другая. И вновь тишина, нарушаемая лишь мерным шелестом тростников, да потрескиванием хвоста в костре.

— Ночь-то какая! — вздохнул Лукич и оглядел своих спящих товарищей. — Спят... А ведь сколько таких-то ночей в жизни бывает? Раз-два и обчелся! — Дремов мог на память пересчитать свои ночи, проведенные у рыбацких и охотничьих костров, осиянные трепетным светом звезд и озвученные шелестом ветвей над головой. В такие ночи он чувствовал себя настоящим человеком, здоровым, сильным, удачливым. Свет далеких звезд и ночной шелест ветвей обычно нашептывают людям тревожные мысли о вечности и пространстве, о бесконечности вселенной и о краткости человеческой жизни. И Лукичу они шептали о том же, но Дремов был слишком практичным человеком.

«Да, жизнь коротка, — думал он, — а на земле так много удовольствий. Ими нужно успеть насладиться. Разве можно проспять такую ночь? А вот Васька может. Он еще не знает...» — тут и самого Ивана Лукича ододела дремота.

Перед рассветом возле машины послышался подозрительный шорох. Ивану Лукичу показалось, что какая-то тень метнулась из кабины в чащу.

Вскочив, он осмотрел машину, окрестности и ничего не обнаружил.

Иван Лукич подошел к берегу озера. Солнце выкатилось из-за горизонта, и первые лучи его золотили спокойные воды. Далеко протянулась водная гладь. В легком утреннем тумане, словно большие корабли с темными парусами, плавали по озеру лесистые острова. «Красота!» — восхитился Лукич, потягиваясь.

— Бу-бу-бу! — прокричала в тростниках выпь.

«Ну, старшина проснулся, теперь все птицы начнут вставать!» — подумал Дремов. И действительно, после крика выпи начали просыпаться другие птицы. Затрещала камышовка. Стая скворцов, ночевавшая в тростниках, снялась с разноголосыми криками, закрикали утки. Откуда-то из-за леса к озеру потянули чайки. Они летели медленно, плавно махая белыми, косо обрезанными крыльями. Следом за чайками летели серые вороны. Они тоже хотели полакомиться рыбкой. «На вашу долю сегодня рыбки достанется!» — ухмыльнулся Лукич.

Он глянул вдоль тростников и увидел, как плавно, не шевеля крыльями, низко над зарослями скользил болотный лунь. Белое надхвостье серебром поблескивало в соях солнечных лучах.

«Вот и сам «хозяин» пожаловал. Значит, и нам пора!» Лукич отправился будить своих рыбаков.

Рыбаки просыпались с неохотой. Аполлон даже пытался доказать Дремову, что самый лучший сон на расвете. Но Лукич был неумолим.

Когда сунулись за припасенной взрывчаткой, ее под сиденьем в кабине не нашли. Остался всего один пакет в рюкзаке Ивана Лукича. Спорили, спорили — и решили, что забыли взрывчатку дома. Иван Лукич скомандовал шоферу быстренько съездить за нею, но тот никак не мог завести машину: в моторе почему-то прекратилась бензоподача.

Лодка была маленькая. В нее сели только двое: на весла Аполлон, на корму — Васька Дремов. Иван Лукич, засучив штаны до колен, остался на берегу. Шофер продолжал безуспешно заводить машину, продувал насосом бензопровод.

Иван Лукич, беспокоясь за племянника, кричал:

— Не мешкай, Василий! Бросай в самую глубину!.. А ты, молчун, сразу к берегу, к берегу!.. Поняли?

— Понятно, дядя Ваня!

Васька усвоил дядюшкины наставления. Вот он поднялся, держа в одной руке взрывчатку. Аполлон выгреб на середину озера и развернул плоскодонку. Васька поднес горящую спичку к запалу. Бикфордов шнур вспыхнул, и пакет взрывчатки полетел в воду. Аполлон подналег на весла, и лодка помчалась к берегу. Грохнул взрыв. Вода зеленым светящимся конусом поднялась над поверхностью и опала. Тяжелая, плотная волна прокатилась по озеру, сильно ударила в берег и затихла.

Иван Лукич, как всегда, выбрал удачное место: не прошло и минуты, как поверхность воды закипела от всплесков. Начала всплывать оглушенная взрывом рыба. Васька заметил громадную щуку.

Перевернувшись кверху брюхом, она все еще шевелила плавниками и двигалась, описывая круги.

— Гони! — рявкнул Васька на Аполлона. — К щуке гребни! Вот это экземплярчик! Дай сачок! — И стал вычерпывать из воды в лодку полуживых окуней, чебаков, щук...

Иван Лукич, по грудь в воде, руками выхватывал из шевелящегося серебряного месива самую крупную, самую лучшую рыбу и выбрасывал на песчаный берег.

— Вас фотографируют! — громко закричал шофер Ивану Лукичу.

— Что? Кто? — Иван Лукич круто повернулся, на всякий случай закрывая локтем лицо.

На большом камне возле берега стояла девушка в синем купальном костюме. В руках она держала черную камеру. До Ивана Лукича донесся мерный шелест шестеренок киноаппарата.

— Как ты смеешь?! — Иван Лукич бросился к берегу. Выскочил, побежал по отмели, поднимая тучи брызг, прямо на объектив. Испытанное рыбой чешуей его лицо было искажено гневом, трикотажная рубашка растянулась, обнажая волосатую грудь. В бешенстве, не замечая ничего, он с маху кинулся в воду, к камню. Но на глубине его кто-то схватил за штаны и потянул на середину озера.

— Василий! — успел крикнуть Иван Лукич. Ему пришлось делать отчаянные усилия, чтобы удерживаться на поверхности. — Поймите! Да пленку, пленку...

— Жми! — гаркнул Васька в лодке. — Это она!..

Аполлон сделал неловкий рывок, и одно весло, выскочив из уключины, упало в воду.

— Лови, раз-зява!..

Но поймать весло Аполлону не удалось. Едва он наклонился через борт, из воды вынырнула голова в маске аквалангиста. Аполлон лишь успел увидеть сощуренные, решительные глаза за огромными стеклами — сильные руки схватили его за плечи и стащили в воду.

Лодка так накренилась, что Васька тоже мгновенно оказался за бортом. Под водой его больно ущипнули за мягкое место.

— Ай! — заголосил он.

Васька и Аполлон что было сил поплыли к берегу. А их лодку, оставшуюся на озере, кто-то начал по-всякому вертеть, крутить, переворачивать. Там то и дело взметались ярко-зеленые ласты, сверкали стекла маски, блестя серебристые баллончики со сжатым воздухом на сильной загорелой спине.

Камень к тому времени опустел. Лишь колыхались

ветки густого черемушника на берегу да где-то в глубине чащи хрустел сухой валежник.

— Ушла, — с сожалением сказал доплывший первым к камню Васька подоспевшему Ивану Лукичу. — Что теперь делать будем?

— Будем составлять документ! — громко сказал кто-то на берегу.

Рыбаки повернулись, как по команде. У воды стоял капитан милиции Ильиных.

— А-а-а... Петр Савельевич! — сделал вид, что очень обрадовался, Иван Лукич.

Возвратились к машине. Водитель все еще не мог запустить мотор.

— Опять эти «тигры»? — мрачно спросил Иван Лукич у начальника милиции.

— Да, я получил записку, что надо принять срочные меры. Получил и вещественные — две пачки взрывчатки, ваш портфель, фуфайку. Не отказываетесь? Ваши? — с насмешкой сказал Ильиных и стал составлять протокол, удобно расположившись в коляске мотоцикла, на котором приехал.

Иван Лукич ласково заговорил:

— Послушай, Петр Савельевич! Человек ты заслуженный, серьезный. И зачем тебе нужно скандалы устраивать, районных руководителей дискредитировать? Зачем? «Охраняйте природу», «Рыбу берегите»... «Лес не рубите»... Ты думаешь, я за это не болею? Я сам за охрану природы обеими руками проголосую, за настоящую охрану! А то что получается: охотников да рыболовов развели, а дичь и рыбу истребили. Леса повырубали, древесину хлыстами вывозят, молодняк, подрост губят. Реки сточными водами, сплавом загадили — ни попить, ни искупаться. А ведь я, брат, в этих местах с малолетства живу. Дичи-то, рыбы-то здесь было! Ай-ай-ай-ай!.. Коробами зайцев с охоты возили. Рыбу в Ирбит обозами

отправляли. А теперь? Закон настоящий, строгий закон нужен! Вот! Тогда его уважать будут. В прошлом году ко мне из области приезжал. «Поедем, предлагает, уток постреляем». Я в ответ: «Одиннадцать дней до начала охоты, инспектор засечет, штраф платить будешь». А он и спрашивает: «Сколько платить-то?» Поглядели в правила охоты — два с полтиной уточка стоит. Друг мой даже рассмеялся: «Давай, говорит, сюда твоего инспектора, заплатим ему двадцатку вперед и поохотимся как следует. Могу я себе, как отпускник, такую роскошь позволить?» Вот почему, Петр Савельич, нужен суровый закон! Стащи кто-нибудь утку с прилавка магазина — дадут самое малое год исправительно-трудовых работ, а с водоема — всего два с полтиной. Но ведь и там и здесь уточка народная, государственная... Ну как? — повернулся он к шоферу. — Скоро поедем?

— Придется вам на этот раз пойти пешком, — сказал Ильиных. — «Тигры» вам в бензин сахару насыпали. Вот, видишь, сами они об этом докладывают. Это для того, чтобы вы прежде времени не уехали с места вашего браконьерства.

□ СОБАКИ НЕ ВИНОВАТЫ

Виктор и Сергей в одних трусиках лежали на песчаном берегу реки, подставляя жаркому полуденному солнцу и без того дочерна загоревшие спины. Рядом с ними на песке распластались гости, четверо ребят с лесоучастка — небольшого поселка, что сто-

ит на отшибе, в семи километрах от города.

Все искупались и теперь, обсыхая, слушали рассказ Сергея о том, как поймали Дремова со взрывчаткой. Виктор закрыл глаза и, слушая Сергея, переживал все события того раннего утра сызнова. Тогда он сидел в кустах и только наблюдал, как действовали Сергей и Наташа. Он видел, как Наташа тихонько вошла в озеро и, держа аппарат над водой, бесшумно поплыла на боку к валуну. Стоя по грудь в воде, она пряталась за камнем, пока Васька не бросил взрывчатку и рыбаки не начали хватать оглушенную рыбу. Они были так увлечены, что даже не слышали всплеска, когда нырнул Сергей в акваланге. Витька видел Наташу на валуне, она снимала Дремова. Утреннее солнце золотило ее пшеничные волосы. В его косых лучах Витька увидел не ту Натку Лаптеву, вместе с которой ел манную кашу в детском саду, а потом восемь лет подряд сидел на одной парте в школе. Это была какая-то другая, незнакомая и очень красивая девушка.

Когда Сергей стал рассказывать о том, как перевернулась лодка, Виктор вдруг прервал его.

— Ты знаешь, — сказал он, — мне показалось, что этот Аполлон тогда нарочно выронил весло, слишком уж далеко в сторону оно отлетело.

— Мало ли что показалось. Просто растяпа, вот и все! — возразил Сергей. — Васька, тот хоть с «идеями», а этот ни то ни се, как молодой бычок на привязи следом за Васькой ходит.

Сергей закончил свой рассказ.

— Ну и что же теперь за это Дремову будет? — спросил Борька Жуковский.

— Что будет? — задумался Сергей. — Боюсь, что каким-нибудь выговором отделается, и все. В том-то и дело, что нет такого закона, по которому каждый враг природы получал бы сполна. Но уж мы постараемся, чтоб в этот раз Дремов легко не отделался, чтобы дорожку в леса да на озера забыл. На днях в газете фельетон о

нем будет. Витька написал. После фельетона мы возьмемся, у нас не сорвется! — Сергей помолчал.

— Ну, а у вас как? — спросил Виктор.

— Пока плохо, — ответил за всех Борька. — С собаками не можем разделаться. Вон Генша, — он кивнул на курносого паренька, который в это время, блаженно улыбаясь, сыпал себе на загорелую грудь пригоршни раскаленного песка, — одну пристрелить попробовал, так едва сам ноги унес. Подсочники рассвирепели, с топорами за ним гнались.

Сергей, нахмутив брови, внимательно слушал Бориса. Он знал, как трудно приходится ребятам с лесоучастка. На этом участке живут рабочие химлесхоза. Они занимаются подсочкой, добывают сосновую живицу. В районе заподсочен громадный массив леса. К каждой сосне подходит рабочий и нарезает на ней «кару» — специальным инструментом делает две зарубки. В том месте, где зарубки сходятся под тупым углом, он подвешивает жестяную воронку, в которую стекает живица. Ученые, лесоводы утверждают, что подсочка ничем не вредит дереву. Может, они и правы, каждому дереву в отдельности подсочка не вредна, но совокупности деревьев, всему лесу она, конечно, на пользу не идет. Это Сергей знал точно! Да и в самом деле, разве хорошо, когда во всем лесу нет ни одного укромного уголка, куда бы не заглядывал человек? Под каждым деревом остаются его следы. Не беда, если человек честный, а вот если не честный, да еще не один, а с собакой? Тогда все живое покидает этот лес. Ни зверь ни птица не могут найти себе укрытия в заподсоченном лесу. И молодых зайчат, и нелетные глухаринные и тетеревиные выводки начисто изничтожают собаки. Пока их хозяин занят работой, они без усталы рыщут по лесу, заглядывают в каждую норку, обследуют каждый куст. Вот с этими-то собаками и вели борьбу ребята с лесоучастка.

— Ну, а что-нибудь другое пробовали? — спросил Сергей. — С людьми хоть поговорили? Сказали им, чтоб собак привязывали?

— Без толку! — ответил Борис. — Нам, говорят, в лесу с собакой веселее. Не действуют наши уговоры.

— Так что же ты предлагаешь?

— Есть одна идея, — ухмыльнулся Борис. — Думаем украсть собак.

— А ты, случаем, не рехнулся? У вас же их там полсотни!

— Ну и что ж? Понимаешь, мне тут одна медицинская книжонка попалась о снотворных веществах из группы барбитуратов. Там описаны опыты, которые на собаках проводили.

— Ты хочешь собак усыпить? — изумился Сергей.

— Совершенно верно: усыпить, сложить штабелем на телегу и тю-тю... В одну ночь со всей псарней разделаемся.

— А где вы снотворного возьмете?

— Уже взяли! Двести граммов люминала в порошке. Всех досыта накормим.

— Хм, интересно! — Борькина затея уже начала увлекать Сергея. Он представил себе, как проснутся жители лесочастка, выйдут на улицу, а во всем поселке ни одной собаки. — Но ведь так недолго их и отравить? Да и куда вы денетесь с этой псарней, ведь ее кормить надо?

— Не беспокойся! Все предусмотрено. Снотворное дается с расчетом на килограмм живого веса, — лекторским тоном начал Борис. — Для каждой собаки будет приготовлена индивидуальная порция. Летальный исход исключен.

— Чепуха! — Это сказал Виктор. Он внимательно слушал весь разговор и, наконец, не выдержал. — Выходит, вы предварительно должны взвесить каждую собаку. А они вам пальцы пообкусуют и штаны порвут. Полови-

ну собак вы перетравите. Я понимаю, Серегу увлекает внешний эффект этой авантюры, но...

— Ты б помолчал, поэт, — рассердился Сергей. — Это тебе не стихи.

— И не думаю! — отрезал Виктор. — Кстати, учти, сегодня с нами нет девчонок, и оценить твой юмор некому.

Сергей осекся, а Виктор продолжал:

— Собаки не виноваты. От человека зависит, брать или не брать в лес своего четвероногого друга. Убивать собак — это варварство! Интересно, как бы отнесся Сергей, если бы застрелить Тропку, который всюду, в том числе и в лес, ходит с дедом?

Но Сергей не слышал обращенного к нему вопроса. Он все еще переваривал Витькин намек и никак не мог переварить. «Неужели все шутки Витька воспринимал как желание унижить, высмеять его перед Наташей?.. А разве это не так? — не давала покоя другая мысль. — Нет, не так!» — говорил себе Сергей. Но на память пришел случай, когда он послал Витьку писать стихи про кобылу. Вспомнились смешинки в глубоких Наташиных глазах. Сергей почувствовал, что краснеет. «Все здесь что-то не так!» — со злостью подумал он, резко вскочил и с разбегу кинулся в реку.

— Ха-ха, допек ты его! — хохотнул Борька. — Я и сам чую, что с люминалом можно перегнуть.

— А коли чувствуешь, нырни в реку, вода охлаждает, — улыбнулся Витька и поднялся с песка. Песчинки отваливались от обсохшего тела и медленно стекали вниз, щекоча ноги. Все двинулись к воде. Взметнулись фонтаны брызг, и через мгновение от берега к середине реки, загребая саженками,плыли все шестеро.

После купания еще долго сидели на берегу. Борькину авантюру со снотворным отставили. Решили попросить Сережкиного деда поговорить с подсочниками о собаках. Кого-кого, а старика Антонова подсочники уважают.

Сергей был молчалив. Лишь когда зашла речь о дедѣ, он усмехнулся: «Ловко получается — старик от нас ждал помощи, а мы сами к нему за помощью».

В город Витька с Сергеем пришли, когда уже было темно. Заводская труба, еле различимая в темноте, плевала в небо россыпями искр. В городском саду надрывалась радиола, с пруда тянуло сыростью и запахом каких-то увядших водорослей. Короткое уральское лето кончалось.

□ НАТАШКА, НАТАШКА...

Сергей и Виктор возвращались от учителя. Шли по улицам, весело переговариваясь. О вчерашней ссоре и не вспоминали. Алексей Иванович задумал интересное дело: Плешивую гору, что возвышается за городом, засадить лесом.

Не беда, что специалисты доказывают, будто лес там расти не сможет, так как нарушен плодородный слой. Человек все может! И если он захочет, то и плодородный слой, и лес на горе будут. Алексей Иванович договорился с заводоуправлением о материалах и теперь проектирует канатную дорогу на Плешивую гору. Строить ее будут сами ребята. По канатной дороге можно будет с той стороны горы поднимать землю, необходимую для посадки деревьев. Сергею учитель поручил подумать о посадочном материале.

— Ты же у нас потомственный лесник, — сказал он. — Тебе и карты в руки. Подумай, какие деревья сажать будем, где их возьмем.

Сергей подумал и ответил, что одними деревьями

здесь не отделаться, нужно сеять траву, чтобы закрепить почву.

— Верно! — ухватился за его мысль учитель. — Нужна трава, быстро задерновывающая землю. Ты порой-ся-ка в литературе, узнай, какие травы подходят для нашей цели.

— Нам подойдет травяная смесь из мятлика, клевера и птичьей гречишки. Семена придется сейчас самим собирать. А кроме того, вместе с саженцами надо перенести и лесную подстилку, — говорил Сергей.

— Видишь, ты, оказывается, это дело знаешь лучше меня. — улыбнулся учитель. — Вот и берись, организуй ребят, чтоб семена собирали, договорись с лесничеством о саженцах. Сам лесничий обещался помочь.

— Много проку от его помощи, — нахмурился Сергей. — Дремову в Васькином бору лесосеку отвел. Пока мы с Плешивой горой возимся, они с Дремовым бор вырубят. Ребята ходили уже к лесничему, а он только руками разводит: «Не моя вина!» Лесоустроители, мол, план рубок составили, исполком завизировал, область утвердила. Теперь, мол, это производственный план, его выполнять надо без рассуждений.

— Исполком тут, конечно, проморгал, — согласился Алексей Иванович. — Но вы не отчаивайтесь. За это я сам возьмусь. А вы давайте-ка за новое дело беритесь. Будем, как в нашей клятве говорится, охранять старое и создавать новое.

Теперь, шагая по улицам, Сергей обдумывал новое поручение: «Самое главное — заинтересовать ребят. Сажать будем не обычный лес. Ярусами по склону мы посадим все лесные породы, растущие в уральской тайге».

Он уже представлял себе Плешивую гору превращенной в густой зеленый парк. Серпантинном спускаются узенькие тропинки. Они выются меж высоких деревьев, теряются в густой траве и ведут путника по всем красо-

там уральского леса. Здесь будет много обширных полей, много зарослей рябинника. В осенние дни, когда яркие гроздья пригибают к земле ветки рябины, будут на них слетаться стаями дрозды-дерябы и с квохтаньем лакомиться алыми ягодами...

— А я думаю, — говорил Виктор, как всегда забегаая вперед и размахивая руками, — надо засадить всю Плешивую гору кедром. Деревья посадим просторно, их кроны разрастутся и станут похожими на громадные темно-зеленые шары. И плодоносить эти кедры будут каждый год. Вот радости-то будет ребятам, шишкарить можно совсем рядом с домом.

— Это еще неизвестно, будет ли расти кедр на Плешивой, — задумчиво ответил Сергей.

— Как неизвестно? — удивился Виктор. — Ведь раньше здесь рос сплошной кедровник.

— То раньше! А теперь условия изменились. Может, ничего и не получится. И почему только кедр сажать, когда вокруг столько...

Но Виктор не дал ему договорить.

— Да неужели ты не понимаешь! Кедр — это самое могучее, самое красивое дерево наших лесов, символ величия и богатства уральской земли...

— Мы сейчас посмотрим, будет ли твой «символ» у нас расти, — Сергей похлопал рукой по учебнику лесоводства, который нес под мышкой.

Ребята вышли на Нагорную улицу и стали спускаться к пруду. Вдоль улицы выстроились молодые липы, посаженные в начале лета. Чья-то заботливая рука побелила стволы деревьев известкой, и теперь липки были похожи на девочек-школьниц в белых фартуках. Перед входом городской бани был разбит цветник.

— Видишь? — ухмыльнулся Сергей. — Синегубов решил лицом в грязь не ударить, цветочки развел.

Виктор ничего не ответил. Он думал о том, что людям

очень нужен добрый пример, и тогда они уже сами захотят жить лучше и красивее.

У пруда они присели на скамейку. Сергей открыл учебник и, найдя нужное место, начал читать вслух:

«Из лесных богатств Советского Союза особую ценность представляют кедровые леса, которые занимают громадную территорию Российской Федерации начиная с Предуралья до берегов Охотского моря.

С освоением темнохвойной тайги под сельскохозяйственные угодья русские земледельцы положили начало оригинальному садоводству, они стали окультуривать кедр сибирский как дерево «плодовое». Кедровые «сады», или так называемые «припоселковые кедровники», произрастают в настоящее время около многих русских деревень Урала и Западной Сибири...»

— Физкультпривет! — раздался вдруг за их спиной голос Борьки Жуковского. В руках у Борьки был мяч, такой же рыжий, как и Борькина голова.

— Сегодня мы заводским воткнем! — похвастался Борька. — В финал выйдем.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала, — возразил Сергей.

— А ваша бабушка всегда надвое говорит. Она и про невод в прошлый раз какую-то чушь несла: убеждай, доказывай! Наши ребята четыре косы в дно воткнули — и конец неводу. Ровно на пять частей развалился. Ладно, побегу, — заспешил Борис. — Вечером после матча потолкуем! — И он широко зашагал по улице, но вдруг остановился и, озорно усмехнувшись, спросил:

— Кстати, вон там, на лавочке, не ваша ли бабушка сидит?

Ребята оглянулись. На соседней скамеечке сидел Аполлон с какой-то девушкой. Была видна лишь одна ее нога в маленькой красной босоножке. Аполлон, азартно жестикулируя, доказывал что-то своей соседке.

— Ай да молчун, ишь мозги вправляет! — Сергей хлопнул книгу. — Пошли!

Они прошли по тропке сзади беседующих, и оба узнали Наташу Лаптеву... Наташа была в открытом сарафане салатного цвета. Туго заплетенная коса золотистой змейкой спадала на худенькие плечи.

Витка почувствовал, как поднялась в нем обида. «В новом сарафане перед этим пижоном щеголяет», — со злостью подумал он, посмотрел на Сергея и промолчал. Мохнатые брови сошлись у Сергея на переносье.

Долго шли молча. Наконец Сергей не выдержал:

— Ты знаешь, как это называется? Самое настоящее предательство! Ты как хочешь, а я с ней и разговаривать не желаю!

— Эх, Наташка, Наташка! — махнул рукой Виктор и замолчал. У Виткиного дома друзья расстались.

И все-таки вечером Виктор пошел к Наташе. Нужно было забрать проявленные пленки.

— Что ты сегодня такой пасмурный? — спросила его Наташа, выглядывая из-за калитки. — Заходи в дом, отберем вместе.

— Не пойду! — буркнул Виктор.

— Да что с тобой? — удивилась Наташа, в ее глазах блеснули лукавые искорки. — Ты не заболел?

— Кто из нас заболел — это еще вопрос! — рассердился Витка. — Мы сегодня возле пруда видели двух больных.

— Ах, вот в чем дело, — засмеялась Наташа и кокетливо перебросила косу с одного плеча на другое. — А я-то думала...

— Ничего ты не думала! Мы добиваемся, чтобы этих двух лоботрясов вообще из города выдворить, а ты с одним из них любезничаешь. Чудесная парочка гусь да гагарочка — Аполлон Мясников и Наталия Лаптева. Роскошное словосочетание!

— Ну, знаешь... — нахмурилась Наташа. — Вы с Сергеем забываете, что людей можно убеждать и перевоспитывать, даже не подвешивая их для этого на березах. Аполлон и Васька совсем разные люди.

Витька чувствовал, что в чем-то Наташа права, но не хотел согласиться.

— Ах, какие мы нежные! — паясничал он. — Нельзя человечков на березах подвешивать. Им нужно душеспасительные сказочки рассказывать.

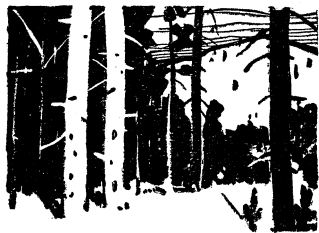
Наташа круто повернулась, быстро взбежала на крыльцо и скрылась в доме. Через минуту она вернулась с жестяной коробкой из-под киноленты.

— Держи, здесь все, — протянула она Виктору коробку. — Без меня разберетесь!

— Уж как-нибудь! — буркнул Виктор и, не попрощавшись, пошел домой.

Наташа долго смотрела ему вслед: «Ах, какие они еще дураки, и Витька и Серега! Какие сердитые и милые дураки!»

□ „ПРОБОВАНО“

В приемной председателя исполкома былолюдно, как всегда перед заседанием. Иван Лукич Дремов, которому то и дело задавали вопросы, отвечал невпопад и «терзал» папиросу за папиросой.

«Безобразие! — негодовал он про себя. — Включают в повестку дня вопрос о Васькином боре и ставят меня в известность всего лишь за два часа до исполкома. Все математик этот под меня яму копает! Рыбная история тоже. наверняка, его рук дело».

Рядом громко разговаривали, Иван Лукич прислушался.

— В нашем сельсовете уже давно известно, что за «тигр» такой орудует. А ведь, говорят, хотели из этих «тигров» уголовщину сделать. Знать, встали они, «тигры»-то, кой-кому из начальства поперек горла! Ох и шуткуют резко!..

— У меня в Кузнецовой пастух был. Пастух-то, надо сказать, хороший, да в брюхе больно плечист. По уговору все лето владельцы коров пастуха кормили. Чья очередь подходит, та хозяйка для него и печет, и жарит, и парит. А уж чтобы к обеду чарку не подали — такого и вовсе не бывало. Короче — не жил он, а прямо-таки благоденствовал. Нет же, мало ему показалось. Придумал для себя специальное угощение. Выгонит с утра стадо на пастбище, а сам на старицу, диких утят ловить. Видишь ли, шашлыков ему хочется. Пробовали его урезонить, да куда там! Я, говорит, утят не в вашей стаеке ловлю и не ваша забота. И вот слышу как-то на улице превеликий шум. Выглянул из окна — что за картина! Вышагивает по дороге наш пастух в одних, простите, кальсонах. Женщины над ним потешаются, а он бровью не ведет, чинно двигается прямо ко мне. В руках — бумаженция. А в ней сказано, что нарушителю закона об охоте на водоплавающую дичь пастуху Зотову выносятся на первый раз общественное порицание, что одежду он может получить у меня в сельсовете после того, как честно расскажет и признает свою вину. Подпись — «Тигр». Выслушал я Зотова, глянул — и действительно: лежит на скамье узелок — его брючишки и майка. С той поры наш пастух утятны в рот не берет: тошнота появляется. Хе-хе-хе!..

Иван Лукич слушал эти рассказы и злился. Пильщики три дня подряд не хотят выйти на валку леса в Васькин бор. Сколько крови и нервов испортила Ивану Лукичу эта история. Кто-то рано утром опечатал сарай, в

котором хранились бензопилы. Иван Лукич сам отправился на место происшествия. В пробой и дужку замка была прoderнута бечевка. Концы ее покоились на фанерном квадратике, увенчанном сургучным наростом с круглой гербовой печатью в центре. Никто не знал, чьих это рук дело. Не знали, но все же не решались до выяснения открыть склад. Вызванный начальник милиции Ильиных определил, что печать поставлена обычной пятикопеечной монетой.

Вопросов в повестке дня было много, и Лукич, волнуясь, ждал, когда очередь дойдет до разговоров о Васькин-ном боре. Наконец, председатель предоставил слово учителю Алексею Ивановичу Жукову. Алексей Иванович сказал, что бор надо сохранить, что нельзя разрешать Дремову рубить его.

— Я пригласил сюда старейшего лесника, товарища Антонова, — закончил Алексей Иванович. — Прошу выслушать его.

— Как? — спросил председатель у присутствующих.

— Пусть говорит!

К столу президиума вышел дед Сергея, помялся, не зная, с чего начать речь, и вдруг, глядя в лицо Ивану Лукичу, начал как-то уж очень «не по-совещательному».

— Лес у нас знатный, Васькин-то бор. Только не с той стороны, товарищ Дремов, ты начал к нему руки прикладывать: для строительства межрайонной базы древесины найти нетрудно. В лесу ведь мы живем. А Васькин-то бор... Сейчас преподам все в лучшем виде. Знаете, в старину книги разные выпускали с советами всякими. Как там лошадь от сапа вылечить или ожоги пользоваться. Конечно, дурости там много имелось, но и правильные советы были. Перед испытанными советами всегда ставилось слово: «Пробовано». Пробовано! И руками, и педенкой, значит, пробовано. Васькин бор у нас, коли взглянуть на стволы, ровный, как по линейке. Не дикорасту-

щий он, товарищи, а сажень. Когда-то, давным-давно, тому назад лет сто с хвостиком, в лесу этом остатки, слышь, пугачевского войска прятались. Потом пришли в наши места царевы солдаты — людей побили, а бор спалили, чтобы извести крамолу. Через год, может и два, вышли на пепелище заводские работные людишки — завод-то наш старинный — и посадили деревья. Возродили, значит, память о смелых людях, Подрос борок. Стали люди в нем устраивать пикники да гуляния. С пятого года сходки-маевки рабочие в бору проводили, а в гражданскую бабы сребятишками от Колчака прятались... А уж как Советская власть пришла, вовсе в бору весело стало. И войну бор выстоял. На заводе дров не было. В домах одни женщины остались. На себе за десять верст бревна таскали, а бор не тронули. Я в ту пору тоже в лесниках ходил. Идешь, бывало, по бору, глядишь: обняла сосну молодайка, заливается слезами. Знать, с фронта вместо мужика казенная бумага пришла. Смело можно перед Васькиным бором «Пробовано» ставить. Так-то, товарищи!.. А тут вдруг, на тебе, приехала экспедиция невесть откуда. Осмотрела, обмеряла и записала в перестойные. А в лесхозе тоже недолго думали. Перестойный! Значит, под корень его!

— Это как же под корень?! — возмутился директор лесхоза. — Почему я не в курсе? Кто разрешил?

— Лесничество! — выкрикнул с места Иван Лукич.

— Быть того не может. Я это выясню! Безобразия! Объехал ты его, Лукич, на вороных...

— Так вот, — опять заговорил учитель Алексей Иванович. — Отряд ликвидации угрозы природе, а сокращенно «Тигр», предлагает прекратить в бору порубки и объявить его заказником.

— Правильно! — раздался выкрик с мест. — Верно!

О сургучной печати и не вспомнили. Исполком вынес решение: поддержать инициативу молодежи.

Итак, отряд перестал быть тайным. Теперь в его работе участвовали десятки людей. Кроме ребят, в нем и взрослые: заведующие сельскими клубами, зоотехники колхозов, рыбаки, охотники-любители.

Работы с каждым днем становилось все больше. Наташа, Виктор и Алексей Иванович заканчивали монтаж фильма.

Наташа уже успела помириться с ребятами. Она не объясняла своего поведения ни Виктору, ни Сергею, не оправдывалась перед ними. Она просто пришла к ним и сказала, что будет работать. Сергей хотел было сказать что-то злое, но сдержался и махнул рукой.

Он крутился, как белка в колесе. В штаб, на лесной кордон, то и дело поступали новые сообщения: кто-то раскопал барсучью нору, косуля отравилась удобрениями на полях совхоза, рубят кедр, чтобы обобрать шишки. Число сигналов «Тигру» возросло не от того, что люди стали хуже относиться к природе. Нет! Раньше подобных случаев было, конечно, больше. Но теперь все стали обращать на них внимание.

И вот в один из суматошных дней к Сергею на лесной кордон пожаловал гость. Дед сообщил о нем внуку коротко:

— Серега, тебя.

Это был Аполлон Мясников. Ставив со спины рюкзака, он поставил его на завалину и хмуро сказал:

— Через две недели каникулы кончаются. Не прогонишь?

Сергей первый раз услышал его голос.

— Места на сеновале много, — Сергей помедлил и заключил: — Да и в доме найдется. Проходи.

Аполлон принес тревожное сообщение: у Лешаковской старицы «один тип» рубит черемуху.

— Ну что ж, проучим! — сказал Сергей и крикнул Борьку Жуковского. — Может, и ты с нами пойдешь, Аполлон? — Сергей выжидающе поглядел на парня.

— С удовольствием бы, — ответил тот смущенно, — только у меня с тем типом отношения... — Аполлон внушительно сжал кулаки. — Не хотелось бы об него руки марать.

— А-а, тогда понятно, кто там хозяйничает, — усмехнулся Сергей.

— И вот еще что, Сережа. Не зови меня больше Аполлоном. Меня ведь Федором зовут.

— И Федором можно! — совсем развеселился Сергей. Теперь он видел, что Наташа не зря сидела на лавочке с этим парнем.

Сергей с Борисом заспешили к реке.

У Лешаковой старицы они застали такую картину: громадная черемуха с измочаленными ветвями валялась на земле, рядом белел свежий пенек. У черемухи копошился детина в спортивной куртке — Васька Дремов.

— Кончай работу! — рявкнул Борис.

Тот повернулся и радостно замахал руками.

— Боря, друг детства, кого я вижу! Давай скорей, помоги обобрать!

— У меня таких друзей нет, — сказал Борис. — И прекрати балаган.

Не успел Сергей сообразить, что происходит, как Борис подскочил к Ваське Дремову и, покрутив у его носа увесистым кулаком, приказал:

— Сей деревья!

Васька побледнел, покорно взял в руки корзину с черемухой. Ягоды были крупные, блестящие, переспелые.

— Начинай! — рычал Борис.

Васька зачерпнул полную горсть и швырнул ее на землю.

— Стой! Не так, — распорядился Сергей. — Надо по одной. Вот тебе ножик — выковыривай ямку, клади ягоду и приваливай землей. Да место выбирай повлажнее.

— Ничего не вырастет! — хныкал Васька.

— Еще как вырастет! — убежденно протянул Борис и постучал пальцем себя по лбу. — Важно, чтобы вот здесь у тебя выросло!

Они провозились с Васькой весь день, заставив его довести дело до конца.

Вернувшись, ребята рассказали Федору о том, как его бывший приятель сеял черемуху. Федор смеялся до слез. Оказалось, что Федор вовсе не был молчуном. Молчун умер вместе с Аполлоном.

На другой день Федор предложил план «оживления» работы общества охотников, как он выразился, «путем искусственного вливания».

— Пожалуй, ты прав, — говорит Сергей, выслушивая его соображения. — Не общество, а брехаловка!

В последние годы общество занималось только торговлей охотничьими принадлежностями. Люди здесь собирались один раз в год на перевыборную конференцию. В остальное время в помещение, где находилось правление общества, заходили поболтать или послушать охотничьи анекдоты. Секции и подсекции существовали только в отчетах. Единственным «культурно-массовым мероприятием» был стрелковый тир на городском базаре. В базарные дни этот тир осаждала молодежь, чтобы «пухнуть» из «духовки» в жестяной круг или «ссадить» орла.

Большинство охотников в районе не имело охотничьих билетов, бланки их область прислала лишь за несколько дней до начала охоты. И вот по плану Федора «тигры»

засели писать пригласительные открытки. Пусть все пожалуют за билетами к председателю районного общества.

Ради этих открыток пришлось поднять на ноги всех «тигров», чтобы составить точные и подробные списки охотников. Их оказалось в четыре раза больше, чем числилось в обществе. Наташа напечатала фотобланки-открытки. На лицевой стороне был изображен веселый тигр с охотничьим билетом в зубах. Над его головой тянул косяк уток. Под картинкой стихи:

Собираясь на охоту,
Дома забывать не след
Ни патроны, ни двустволку,
Ни охотничий билет.

На обратной стороне открытки было написано: «Уважаемый товарищ, ваш охотничий билет ждет вас в обществе охотников, не забудьте зайти. Надеюсь на вашу память. «Тигр».

Открытки пошли адресатам разными путями: одним их выдали из кассы вместе с зарплатой, другие получили по почте, а третьи — под расписку.

Председателя общества неожиданный приток новых членов прямо-таки ошеломил. Гербовых марок в местной сберкассе не хватило, пришлось срочно запрашивать из областной.

Патрули «тигров» в сезон охоты наводнили окрестные леса. Потом рассказывали, что один охотник забрался в молодой ельник под деревней Кузнецовой, убил рябчика и сидел ощипывал его. Вдруг, почти рядом, в ельнике тонко пропищал другой рябчик. Охотник прислушался: «Неужели?» Да, это был рябчик-самец. Звонкая серебряная трель повторилась.

— Ишь, шельмец, самочку зовет. — Охотник взял ружье и полез в кусты. Он достал из нагрудного кармана маленькую трубочку-манок, тщательно продул ее и,

выждав немного, поднес к губам. По леску разнеслась нежная короткая трель самочки. Охотник манил мастерски. В конце каждой трели он пальцами пережимал отверстие манка, и голос самочки рябчика получался очень естественным. После третьей трели рябчик откликнулся — страстно, нетерпеливо. Охотник увлекся. Он манил — рябчик откликнулся.

Но, странное дело, рябчик и не думал лететь на зов. Тогда охотник стал подкрадываться. Однако свист рябчика начал удаляться. «Чертовщина какая-то». Охотник далеко зашел за ним, и вдруг долгожданный рябчик стал высвистывать марш, которым начинаются футбольные передачи!

Вернувшись, одураченный и разозленный охотник у костра увидел вместо всех своих вещей записку: «Напоминаем, на рябчиков охота еще пока закрыта. Снаряжение свое можете получить в районной милиции. «Тигр».

□ ЕСТЬ ТАКОЙ ЗАКОН!

Пришла на Урал осень. В прозрачном воздухе летали легкие белые паутинки. По утрам на землю ложился иней. На городском пруду появились стайки пролетных гоголей. Они плавали посередине пруда. Птицы беспрестанно охорашивались, поблескивая на солнце серебряными боками. Рабочие, спеша на смену, любовались редкими гостями. И в прошлые годы эти лесные утки заглядывали на пруд, но их, бывало, встречали здесь выстрелами...

Леса за городом стояли тихие и торжественные, рас-

цветенные в пурпур и золото. Каждое дерево, каждый кустик оделись в свой осенний наряд. Даже темнохвойная тайга, подсвеченная снизу желтыми пятнами березовой листвы, перестала быть угрюмой. Пожухли травы, умолкли птицы. Только на зорях их прощальные голоса раздавались в далеком небе.

Начались занятия в школе. Алексей Иванович руководил постройкой канатной дороги на Плешивую гору. Все свободное время Виктор и Сергей проводили на этой горе. Наташа одна продолжала монтировать фильм.

Витька, пораженный, глядел с горы на окрестные леса. Он раньше и не замечал, какое обилие красок приносит с собою осень. Особенно удивили его лиственницы. Еще вчера они стояли скромные, неприметные на склоне горы, и вдруг в одни сутки преобразились, вспыхнули, словно гигантские свечи. Теперь Витька был согласен с Сергеем, что на Плешивой горе нужно посадить самые различные деревья, расцветить загубленную кем-то гору всей гаммой красок...

Витька окинул взглядом фронт работ: от подножия до самой вершины на склоне копошились человеческие фигурки — ребята рыли ямы для опор канатной дороги. Вдруг в стороне он увидел мальчишку и сразу узнал его. Это был тот самый малец, которому он когда-то подарил ножичек. Теперь мальчишка в школьной форме, но все такой же маленький и серьезный. Перепрыгивая через ямы, мальчишка подбежал к Виктору и помахал перед его носом свернутой в трубочку газетой.

— Где мне найти Сергея Антонова? — спросил он важно.

— А зачем он тебе?

— Хочу тоже дорогу строить!

— Ах, вон оно что. Мал еще, подрасти надо!

Мальчишка с презрением посмотрел на Виктора:

— Сам-то больно велик! Мне Алексей Иванович ска-

зал, что вот эту газету передам — и Сергей меня сразу примет.

«Ай да парень! — подумал Витька. — Летом он меня даже дяденькой величал, а лишь надел школьную форму, сразу требует равноправия».

— Ну-ка, покажи газету. — Витька развернул страницы и сразу нашел то, что нужно. На первой полосе крупным шрифтом было набрано: «Об охране природы в РСФСР. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики».

— Примет, обязательно примет тебя Сергей! — Витька радостно хлопнул мальчишку по плечу и, взмахнув газетой, закричал: — Се-ре-га!..

— О-га!.. — подхватили окрестные горы, многократно откликаясь эхом.

Витьке вспомнился лосятник, который жалобно скулил: «Нет такого закона...» — «Врешь, есть такой закон. Теперь есть!» — думал Виктор.

Собрались ребята. Сергей руками, перемазанными в глине осторожно взял газету и начал читать. Он читал, а в памяти проплывали события прошедшего лета: охота на лосятника, история со взрывчаткой, борьба с Дремовым и другие дела, которые «тигры» делали на свой страх и риск.

«Охрана природы является важнейшей государственной задачей и делом всего народа», — читал он, а сам вспоминал, как Дремов хотел обвинить «тигров» в уголовщине.

«Статья 16. Участие общественных организаций в охране природы. Охрана природы — всенародное дело. В нем участвуют общественные (профсоюзные, молодежные, научные) и другие организации».

— Слыхали? — не выдержал Витька. — Молодежные! Это мы, «тигры»! Теперь нас, можно сказать, узаконили.

Сергей прервал чтение и задумался. «Тигр» обрел силу.

Теперь никакие дремовы не страшны Природе. У нее есть надежная и сильная защита. Защита всего государства.

А вечером пришла телеграмма от Федора Мясникова. Он поздравлял «тигров» с выходом закона и обещал приехать на зимние каникулы.

□ НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Районная комсомольская конференция проходила бурно. Большой зал заводского Дворца культуры был переполнен. Делегаты и гости съехались со всего района. Выступить в прениях по докладу секретаря райкома записалось столько желающих, что конференция грозила затянуться.

После прений все остались на местах. Ждали кино. Механик в будке что-то очень долго возился. В зале народ все прибывал. Многие стояли на ногах вдоль стен. Наташа волновалась: как-то все пройдет? «Только бы Витька не напутал с текстом», — подумала она. Озвучить фильм они не смогли, поэтому Виктор должен был читать текст у микрофона.

Наконец, свет погас. Зал замер. На экране появился родной городок, такой знакомый и в то же время какой-то новый. Впечатление было такое, будто знакомая вещь перекрашена в другой цвет: трубы завода, набережная, школа, пруд...

Потом зрители увидели Васькин бор, Долгое озеро,

Лешаковскую старицу. Знакомые и дорогие места. Наташе казалось, что она слышит плеск волн о берег, шум ветра в соснах.

На ветку развесистой березы уселась кукушка и, раскачиваясь, начала куковать. Но вместо кукования в динамиках послышался ровный голос Виктора:

— О тех, кто любит свой край и хочет сделать его еще красивее, еще прекрасней, и о тех, кто портит родную природу, рассказывает наш фильм.

Наташа облегченно вздохнула. Голос Виктора, слегка искаженный усилителями, звучал уверенно и мужественно.

«Роли исполняют» — пробежала надпись по экрану.

«Друзья природы: «Тигр» — отряд ликвидации угрозы природе.

Враги природы: «Матерый».

На экране появилась лобастая, с оскаленными зубами волчья морда.

«Иван Лукич Дремов: роль исполняет он сам».

На экране Иван Лукич. Он стоит за письменным столом и что-то кричит в телефонную трубку.

Потом пошли портреты: лосятника, Васьки Дремова, пастуха-любителя утятин, топографов, директора бани...

Опять раздался голос Виктора:

— Из всех действующих лиц фильма бездействует только Матерый.

Опять появилось изображение волка. Теперь он лежал, распростершись на земле у ног чернوبرового парня, который опирался на ружье.

— Матерый, — продолжал Виктор, — сражен зарядом крупной картечи. Вспомните: по закону зоологии — там, где появляется тигр, волки жить не могут!

Теперь никто не мог оторвать глаз от экрана. Те самые люди, которых только что видели за обычной рабо-

той, шли в лес и превращались в преступников. Они ставили петли на лосей, глушили рыбу взрывчаткой, душили маленьких утят. Сцены разбоя чередовались с мирными, замечательными по красоте картинами природы, и от этого у всех на душе становилось тревожно.

На экране лосятник, перевернувшись в воздухе, повис в петле.

— Так его. Правильно! — одобрительно загудели в зале.

На Ивана Лукича Дремова пленки, видать, не пожалели. Взрыв на озере... Иван Лукич с голой волосатой грудью хватает оглушенную рыбу... Вот лицо его перекопилось от злобы, и он, крича что-то, бросается прямо на зрителя.

В зале хохот.

Экран внезапно погас. Стало темно. Наташа вскочила и хотела побежать в кинобудку — что случилось?

— Кина не будет! — озорно выкрикнул кто-то.

В зале вспыхнул свет. И все увидели, как меж рядов пробирался к выходу Иван Лукич. Его узнали. Он прошмыгнул, как загнанный волк, и ему вслед зааплодировали, засвистели, затопали ногами.

Сеанс продолжался.

■ ОГЛАВЛЕНИЕ

Кобель и кибернетика	5
Чудеса в районном центре	10
На лесном кордоне	14
Или — или...	20
Сморчки	24
Горький опыт	28
Дремов нервничает	33
Метод засечек	36
Волчата! Волчата!	40
Лосятник	45
Лесной пожар	50
Клятва	63
Взрыв на воде	71
Собаки не виноваты	77
Наташка, Наташка...	82
«Пробовано»	87
Свежий ветер	91
Есть такой закон!	95
Наступление продолжается	98

Григорий Алексеевич Бабаков

Тигр наступает

Редактор *А. М. Граевский*

Художественный редактор *М. В. Тарасова*

Технический редактор *Г. В. Пайдушева*

Корректор *И. Л. Пархомовская*

Подписано к печати 1 июля 1965 г.

Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 3,250.

Бум. л. 1,625. (усл. прив. 4,4525). Уч.-изд. 4,26 л.

ЛБ02486

Тираж 50 000 экз.

Цена 23 коп.

2-я книжная типография управления по печати.
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 969.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека путешествий и приключений

Вышли из печати

- Выпуск 1. А. Домнин. **Дикарь**. Цена 6 коп.
- Выпуск 2. М. Заплатин. **На гору каменных идолов**. Цена 12 коп.
- Выпуск 3. Н. Чернышев. **Западня**. Цена 8 коп.
- Выпуск 4. А. Ромашов. **Лесные всадники**. Цена 11 коп.
- Выпуск 5. Ю. Вылежнев. **На лосях**. Цена 13 коп.
- Выпуск 6. А. Белоусов. **Камень нерушимый**. Цена 9 коп.
- Выпуск 7. А. Соколов. **Пламя над тайгой**. Цена 6 коп.
- Выпуск 8. А. Крашенинников. **В лабиринтах страны Карст**. Цена 6 коп.
- Выпуск 9. Н. Чернышев. **Находка беглого рудокопа**. Цена 6 коп.
- Выпуск 10. Граевский. **На север**. Цена 8 коп.
- Выпуск 11. А. Ромашов. **Золотой исток**. Цена 10 коп.
- Выпуск 12. В. Волосков. **На перепутье**. Цена 7 коп.
- Выпуск 13. В. Занадворов. **Медная гора**. Цена 14 коп.
- Выпуск 14. М. Заплатин. **Вдоль Каменного пояса**. Цена 17 коп.
- Выпуск 15. Ю. Курочкин. **Легенда о Золотой Бабе**. Цена 29 коп.
- Выпуск 16. А. Ромашов. **Земля для всех**. Цена 11 коп.
- Выпуск 17. О. Селянкин. **«Ваня Коммунист»**. Цена 11 коп.
- Выпуск 18. Л. Фомин. **Лесная повесть**. Цена 8 коп.
- Выпуск 19. А. Домнин. **Поход на Югру**. Цена 6 коп.

Выпуск 20. В. Матвеев. Золотой поезд. Цена 25 коп.
Выпуск 21. В. Волосков. Операция продолжается. Цена 33 коп.
Выпуск 22. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы. Цена 32 коп.

Выходят из печати.

Выпуск 24. Г. Солодников. Ледовый рейс.
Выпуск 25. В. Оборин. Немые свидетели.

23 коп.

